

ГОРЬКИЙ — Ф. В. ГЛАДКОВ

Федор Васильевич *Гладков* (1883—1958) — переписывался с Горьким в течение тридцати с лишним лет.

Еще совсем молодым, начинающим писателем, Гладков познакомился с рассказами Горького, навсегда его покорившими. «Все, что я писал в то время, это было только сплошным подражанием Горькому», — признавался впоследствии Гладков (Автобиография в кн.: Ф. Г л а д к о в. Рассказы. М., «Никитинские субботники», 1929).

Первый свой рассказ Гладков послал Горькому в 1901 г. Очевидно, с этого же года начинается и их переписка. Из ранних писем сохранились лишь два письма Гладкова (1903 г.), письма Горького погибли, по свидетельству Гладкова, во время пожара.

В 1904 г. переписка временно обрывается. Гладков отходит от литературы, деятельно участвует в революционном рабочем движении в Тифлисе, Ейске, Забайкалье, подвергается аресту, а затем попадает в ссылку на Лену. Лишь в 1911 г. ему удалось закончить первую большую повесть «Изгой» (первоначальное заглавие «В изгнании») о жизни политических ссыльных; в 1912 г. Гладков направил рукопись этой повести Горькому. Горький поддерживал молодого писателя, советовал много, «не щадя себя», работать, содействовал публикации его произведений.

В 1917 г. (в феврале-марте) Гладков впервые встретился и лично познакомился с Горьким в Петрограде. Эта встреча укрепила их отношения, что подтверждается перепиской последующих лет. В 1930 г. Гладков посетил Горького в Сорренто.

Почти все, что писал и печатал Гладков, он направлял Горькому и получал от него советы, критические замечания. «Рукописи он читал с исключительной внимательностью и чуткостью. Поля были испещрены замечками, а письма были проникновенно-мудры и сердечны», — писал Гладков в 1932 г. («Мой учитель и самый лучший друг». — «Правда», № 266, от 25 сентября).

Горький высоко оценил значение романа «Цемент», одновременно подчеркнув недостатки языка произведения, настойчиво советовал Гладкову писать автобиографическую повесть. Впоследствии замысел, поддержанный Горьким, был осуществлен в автобиографической трилогии («Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година»).

В публикуемой переписке большое место занимают общие проблемы советской литературы, в частности, вопросы литературной борьбы двадцатых годов, в которой Гладков как один из руководителей «Кузницы» принимал деятельное участие. Poleмической остротой этой борьбы объясняются и отдельные, явно пристрастные, необоснованные резкие оценки Гладковым некоторых писателей и критиков.

Порой Гладков с болезненной чувствительностью реагировал на критические замечания Горького. Как правило, в Гладкове побеждало чувство глубочайшей любви и уважения к Горькому, в котором он неизменно видел своего великого учителя. Но в 1933 г., после сурового отзыва Горького о романе «Энергия», в их отношениях наступило охлаждение, и переписка прекратилась.

Ниже публикуется девять писем Горького и тридцать два письма Гладкова к Горькому. Пять писем Горького печатаются по черновым автографам из его личного архива, так как после смерти Гладкова этих писем в его архиве не оказалось. Не удалось обнаружить также и других писем Горького к Гладкову, которые несомненно были посланы, судя по имеющимся ответам.

Шесть писем Горького (1912, 1916, 1925 и 1926 гг.) напечатаны в т. 29 (№№ 635 (отрывок), 719, 799, 818, 836, 837)

1

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ст. Урульга, Забайкальской области.
Начало июля 1903 г.⟩

Уважаемый Алексей Максимович!

Посылаю вам «Без работы»¹, сокращенное и переделанное по вашему совету. Не поставьте себе за тяжелый труд — исправить те недостатки, которые, без сомнения, встретятся в нем на всем протяжении. По совести говоря, этот рассказ мне не нравится. В настоящую минуту ощущается даже желание не посылать его. Но все-таки отправлю на ваш суд: в вашем распоряжении или уничтожить его или выпустить в свет.

Пишу новый рассказ и скоро пришлю вам².

По-моему, Алексей Максимович, психическая жизнь рабочего основана на стремлении освободиться от гнетущего режима и жажде личной свободы. У него я не замечал ни свободной воли, ни героических сил, как у ваших босяков, а только видел одну пассивную тоску. Они бессильны в борьбе и считают себя трусами. Они не в силах идти против условий жизни и гибнут, замученные изнурительной, но бесплодной для них работой, не добившись ни счастья, ни даже ничтожных привилегий в обществе. Правда, из них находятся натуры действительно сильные, но их мало.

Боже мой! Как здесь скучно! Дикий край! Тянет к «людям», к «жизни». Единственным источником счастья является только чтение. И чувствуешь, будто ты или заключен в тюрьму, или заброшен куда-то в «глухую пустыню».

О том, когда напечатают мой первый рассказ, напишите мне³. Я буду вам очень благодарен.

Ф. Г л а д к о в

Датируется предположительно, по содержанию письма 2.

¹ Рассказ Гладкова «Без работы», по-видимому, опубликован не был и в рукописи не сохранился.

² См. письмо 2, прим. 1.

³ Возможно, имеется в виду рассказ «На ватаге, на Жилой», которую Гладков послал Горькому в 1901 г. Гладков вспоминает об этом в автобиографии: «Он возвратил мне рукопись с припиской: „Писать вам нужно. У вас есть умение наблюдать жизнь, есть любовь к людям. Надо только писать кратко и метко, — так, чтобы читателя точно палкой по башке. Исправьте рукопись сообразно с пометками на полях и пришлите мне: я напечатаю ее в „Мире божьем““. Рассказ, к сожалению, не был напечатан и исчез навсегда» (Ф. Г л а д к о в. Собр. соч. М., Гослитиздат, 1958, т. 1, Автобиография, стр. 9—10)*. Впоследствии сюжет рассказа был использован в пьесе «Ватага» («Ватага», пьеса. Изд. «Московский рабочий», 1923).

2

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Ст. Урульга, Заб⟨айкальской⟩ обл⟨асти⟩.
16 июля 1903 г.

Уважаемый Алексей Максимович!

Шлю вам новый рассказ — «Беспокойный».

Я думаю написать ряд набросков из жизни поселенцев под общей рубрикой: «Поселенческие наброски», из которых настоящий является первым на свет божий¹.

Какова судьба прежних рассказов? Не можете ли сообщить мне, когда будет напечатан первый?² Я бы вам был очень обязан.

* В дальнейших ссылках на это Собр. соч. будут указываться лишь том и страница.

Сибирь, без сомнения, страна интересная, но в культурном отношении она — в младенческом возрасте. Здесь не заметно движения; везде косность какая-то, какой-то гнетущий душу застой и мало «людей» в широком смысле слова... Тоска!

Тянет в Россию, живую, интеллигентную... но — «бачили очи, що куповали»...³ Приходится мириться... Года через два думаю вырваться отсюда. Устрою своих родных по выходе их из каторги и — уеду...⁴

Теперь я хотел сказать вам кое-что насчет поселенцев: мир поселенцев — это особый мир в крестьянском быту сибирской жизни. От коренных жителей деревни они стоят отдельно. Их интересы не совпадают с интересами мужика. Это народ живой, с широким взглядом на жизнь; ему тесно жить в узких рамках крестьянской неподвижности. К мужику он относится с презрением, и если сталкивается с ним на арене его бесцветной жизни, то терпит его только потому, что он иногда бывает нужен ему. Это такие люди, у которых любовь к человеку выражается сильнее, определеннее, чем у живущего с ним в соседстве крестьянина. Это — замечательно интересные люди.

Драма «На дне» — шедевр вашей музыки... Как я хотел бы посмотреть ее на сцене! Не увижу скоро...

Ф. Г л а д к о в

Адрес: ст. Урульга, Забайкальской обл(асти), Федору Васильевичу Гладкову.

Р. С. Кстати, не можете ли вы прислать мне книжку «Образованье» с моим рассказом (когда напечатают)⁵.

Ф. Г л а д к о в

¹ Цикл рассказов о жизни поселенцев, написанных Гладковым в течение 1903—1905 гг., публиковался в газете «Забайкалье» (г. Чита) под заглавием «На каторге» («Зимние заметки о летних впечатлениях»), 1904, №№ 20, 23, 32, 33, 38, 39; 1905, №№ 26, 27, 28, 31. В последнем прижизненном Собрании сочинений эти рассказы в переработанном и отредактированном виде напечатаны под заглавием «На женской каторге» (т. 1).

Рассказ «Беспокойный» — как вспоминает Гладков в автобиографии, — «был принят в „Журнал для всех“, но не увидел света: журнал закрылся» (т. 1, стр. 10).

² См. письмо 1, прим. 3.

³ Украинская народная пословица; в переводе: «Глаза видели, что покупали».

⁴ Отец и мать Гладкова были сосланы в 1902 г. в Сибирь на каторгу по обвинению в укрывательстве человека, преследуемого полицией (сообщено женой писателя Т. Н. Гладковой). В 1905 г. Гладков уехал учиться в Тифлис.

⁵ О каком рассказе идет речь, неизвестно; рассказ не был напечатан.

3

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Новороссийск, Черном(орского округа).

3 ноября 1912 г.

Михайловская, 9.

Алексей Максимович!

Однажды вы поддержали меня своим бодрым словом и заставили поверить в себя. Это было лет девять назад, когда я был еще почти мальчиком (я посылал вам тогда маленький очерк «На ватаге»)¹. Теперь я опять обращаюсь к вашей сердечности.

Я знаю, что вы очень заняты, свободного времени у вас нет, но мне нужна помощь *живого* человека — нужна помощь ваша, который, несмотря на огромную работу, имел терпение внимательно прочитывать мои рукописи. Был длинный ряд неудач, мучительных переживаний

как у злополучного Сивачева ², пожалуй... А теперь я нуждаюсь в правдивом слове искреннего, хорошего человека — вот и всё.

Вместе с этим письмом шлю вам обширную рукопись «Изгнание». Перелистайте ее через пятое на десятое: ведь опытными глазами вы увидите всё, что нужно (главы VII, VIII, XIII и XVII — наиболее мне дороги).

Если вещь найдете достойной того, чтобы на нее обратили внимание, — дайте ей место в вашем «Знании»; если же найдете неталантливой, — скажите прямо и сурово, чтобы потом не мучиться напрасно ³.

С глубоким уважением

Ф. Г л а д к о в

Адрес — на рукописи, в конце.

На первой странице письма сверху рукой Горького написано: Федору Васильевичу Г л а д к о в у

Отрывок из ответного письма Горького был напечатан Гладковым в журнале «Прожектор», 1928, № 13, от 25 марта и перепечатан в т. 29 (№ 635).

¹ См. письмо 1, прим. 3.

² Михаил Гордеевич Сивачев (1877—1937) — автор книги «Прокрустово ложе (Записки литературного Макара)» (М., «Современные проблемы», 1911), рассказывающей о судьбе пролетария, писателя-самоучки, стремящегося в ряды интеллигенции.

³ В ответном письме Горький так отозвался о повести: «... в рукописи есть хорошо написанные страницы, чувствуется „искра божия“, и, м(ожет) б(ыть), я не понял какого-то, видимо, недоступного мне, смысла. Поэтому я советовал бы вам: сократив длинноты, исправив небрежности языка и вообще хорошенько прочитав работу вашу, послать ее в редакцию журнала „Заветы“. А я бы попросил вас: напишите небольшой рассказ на какую-нибудь самую простенькую тему, без мудрствований лукавых, без „надрыва“ и прочих приправ, порядком уже надоевших читателю» (т. 29, с. 283).

4

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 7 августа 1913

Глубокоуважаемый

Алексей Максимович!

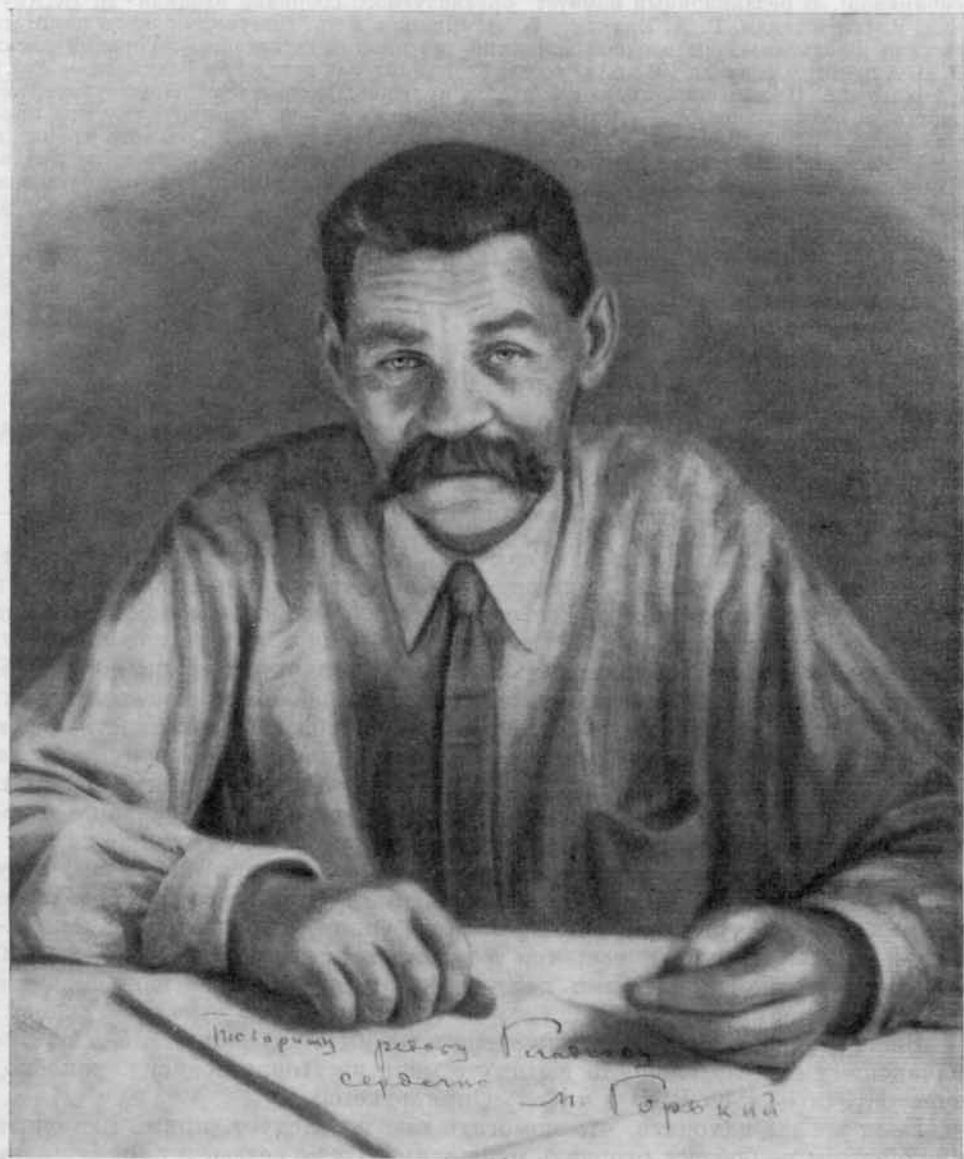
Редакционный комитет «Сибирского сборника» сообщил мне, что рукопись моя «Трое в одной землянке» одобрена для напечатания в сборнике и что она отослана вам, как члену Комитета, которому принадлежит право решающего голоса в выборе статей ¹. Ввиду того, что рассказ подвергся более или менее значительной переработке (главным образом в отношении языка, а потом в фабулу внесено больше «движения»), я решил предупредить вас, что если вещь найдете возможным (даже при старой редакции) поместить в сборнике, то не откажите об этом сообщить мне, чтобы я мог своевременно выслать рукопись в другой редакции или вам, или куда укажете. С нетерпением жду ваших указаний (если только рассказ найдете терпимым в сборнике) относительно переработки рассказа. Рукописи в другой редакции не высылаю теперь потому, что не имею ее под рукою: с юга мне пришлось переехать в Москву, и все вещи, в том числе и рукопись, находятся в пути.

С уважением

Ф. Г л а д к о в

Р. С. Повесть «В изгнании» после переработки, по вашим указаниям, отослана была, по вашему же совету, в «Заветы», где и принята к напечатанию в журнале ².

Мой адрес: Москва, Мерзляковский, 6, редакция журнала «Бюллетени литературы и жизни», Федору Васильев(ичу) Гладкову.

ГОРЬКИЙ

Фотография с дарственной надписью: «Товарищу Федору Гладкову сердечно М. Горький. Сорренто... 28»

Надпись сильно выцвела и читается предположительно

Собрание Т. Н. Гладковой, Москва

¹ Книгоиздательство «Знание», во главе которого стоял Горький, предполагало в 1912—1913 гг. выпустить специальный «Сибирский сборник» (произведения авторов-сибиряков). В редакционный комитет организуемого сборника входили В. И. Анучин, Г. Н. Потанин, Г. А. Вяткин, В. Я. Шишков и др. Получив от этого комитета рассказ Гладкова «Трое в одной землянке» (из цикла «На каторге»), Горький писал В. И. Анучину 6 февраля 1913 г.: «Рассказ Гл. Байкалова <псевдоним Гладкова. — *Ред.*> очень хорош. Несомненно, автор с большим будущим, несомненно! Пожалуйста, напишите возможно подробно — кто такой ваш Байкалов — и передайте ему мой привет» (т. 29, с. 296). Рукопись «Трое в одной землянке» с правкой Горького хранится в АГ. Издание «Сибирского сборника» не состоялось. Рассказ Гладкова после публикации в газете «Забайкалье», 1905, от 2, 4, 5 и 9 февраля в значительно переработанном виде под названием «Три в одной землянке» был опубликован вновь только в Собр. соч., М., 1950, т. 1.

² Ввиду закрытия журнала «Заветы» (в июле 1914 г.) повесть «В изгнании» не была опубликована и в переработанном виде под названием «Изгой» появилась в печати в альманахе «Наши дни», № 2, М., 1922.

5

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

г. Новороссийск, Черноморск<ого> округа,
редакция газеты «Красное Черноморье».
(Январь — май 1921 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

вместе с этим письмом посылаю вам мою пьесу «Бурелом», изданную местным Госиздатом¹. Пьеса шла в прошлый театральный сезон еще в рукописи несколько раз в Гос. театре им. Ленина. Поставлена была В. Э. Мейерхольдом².

Просьба: прочесть ее и помочь мне, если только вы это найдете необходимым. Вы знаете, что до сих пор силою вещей я жил в захолустьях, не знаю литературной среды, и всю тяжесть борьбы за возможность выйти на литературную дорогу вынес на собственном горбу. Теперь я почти не имею возможности писать, занятый советской и партийной работой: то я — завед<ующий> Наробразом, то редактор газеты³, то лектор в школах парт<ийного> и сов<етского> строит<ельства>, то еще что-нибудь.

Устал я за это время непрерывной работы отчаянно. А я все-таки хочу писать, и я страдаю от невозможности иметь даже одного свободного часа для литературной работы. Урывками, ущипками, на ходу, я записываю на клочках бумаги все, чем я живу, и в результате — 5—10—20 строк ежедневно, с большими перерывами (пьеса эта была написана еще в деникинские времена).

Ваша помощь может быть выражена в том, что вы напишете А. В. Луначарскому о желательности вытянуть меня из Новороссийска, конечно, через ЦК (я — член РКП и чл<ен> Окрпарткома).

Если же вы находите, что помогать мне не следует, прямо напишите мне об этом: не бойтесь огорчить меня этим. Я уже седею, и за всю жизнь видел всякие виды. Пишу же вам потому, что вы не раз поддерживали меня своими советами и дали мне возможность увидеть один из своих рассказов в «Летописи» («Единородный сын»)⁴.

Если вы найдете нужным ответить мне, то дадите мне лишнее мгновение большой радости.

С глубокой любовью

Ф. Г л а д к о в

Датируется по времени премьеры пьесы «Бурелом» в Новороссийске (лето 1920 г.) и работы Гладкова в редакции газеты «Красное Черноморье» (с 30 октября 1920 г. по май 1921 г.).

¹ Ф. Г л а д к о в. Бурелом (драматические сцены в 4 действиях). Новороссийск. Госиздат, Черноморское окружное отделение. 1921. Пьеса с дарственной надписью «Максиму Горькому» хранится в личной библиотеке Горького.

² В. Э. Мейерхольд в 1920 г. работал в Первом советском театре им. Ленина в Новороссийске. Премьера пьесы «Бурелом» состоялась летом 1920 г.

³ С 30 октября по 1 декабря 1920 г. Гладков, работая в новороссийской газете «Красное Черноморье», подписывался «за ответственного редактора».

⁴ Прочитав в 1916 г. рассказ Гладкова, Горький писал автору: «Вы сделали большие успехи: „Единородный“ написан вполне литературно, местами очень интересно и трогательно; жаль только, что вами взята столь обычная и слишком уж использованная тема! К тому же вы невозможно растянули ее, и это сделало скучным и тяжелым рассказ, в сущности, недурной».

Я возвращаю вам рукопись с предложением сократить ее насколько найдете возможным. Кое-где я отметил повторения недопустимые и убивающие интерес читателя. Не бойтесь сокращать, пусть от рассказа останется половина, но — хорошая! Вы упрямый человек, вы можете работать, ну и работайте, не щадя себя.

Сокращения не должны огорчать вас. Исправив рассказ, пошлите его мне» (т. 29, с. 364). Рассказ был напечатан Горьким в журнале «Летопись», 1917, №№ 5—6. Под заглавием «Пучина» рассказ вошел в сб.: Ф. Г л а д к о в. Пучина. Повести и рассказы. М., «Кузница», 1923

6

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва. 28 июня 1923 г.⟩

Мой адрес: Москва,
Староконюшенный пер., 33, кв. 11,
Федору Васильевичу Гладкову.

Дорогой Алексей Максимович, через берлинское издательство «Книга» посылаю вам две мои книжки: «Пучину» (сборник) и «Ватагу» (пьеса)¹. За исключением рассказа «Пучина» (напечатанного под заглавием «Единородный сын» в «Летописи»), две остальные вещи написаны в прошлом году, по приезде из провинции в Москву (я здесь остановился крепко). «Огненный конь» прошел через альманах «Наши дни» (№№ 3)², «Волки» — через журн⟨ал⟩ «Нов⟨ый⟩ мир»³. Обе книжки критика наша встретила очень хорошо (напр. «Литер⟨атурный⟩ еженед⟨ельник⟩», №№ 20—21, Петроград, «Правда» за апрель, Воронский в № 4 «Кр⟨асной⟩ нови», Львов-Рогачевский в кн. «Раб⟨очие⟩ и кр⟨естьянские⟩ писатели», Клейн-борт «Очерки раб⟨очей⟩ интел⟨лигенции⟩»)⁴.

Считаю радостью послать вам мои последние работы — человеку, который в моей жизни имел огромное значение и который мне бесконечно дорог. Прочтите при случае и, если будет минута доброго желания, черкните мне несколько строчек.

Как ваше здоровье? Скоро ли приедете «домой»?

Весь ваш душою Федор Г л а д к о в

28—VI—23.

¹ В сборник «Пучина. Повести и рассказы». М., «Кузница», 1923, вошли: «Пучина», «Огненный конь» и «Волки».

Ф. Г л а д к о в. Ватага (Пьеса в 4-х действиях). М., «Московский рабочий», 1923.

² Альманах «Наши дни», № 3, М., 1923.

³ «Новый мир», 1922, № 1.

⁴ Имеются в виду: рецензия Е. П а н ф и л о в а. («Литературный еженедельник», Пг., 1923, №№ 20—21); А. В о р о н с к и й. Литературные отклики о группе писателей (гл. «Кузница»). — «Красная новь», 1923, № 4; В. Л ь в о в - Р о г а ч е в с к и й. Книга для чтения по истории новейшей русской литературы. Рабоче-крестьянское творчество за 30 лет. Л., «Прибой», 1924 (отд. III. «Несколько слов о Ф. Гладкове»).

Отклик на упомянутые произведения Гладкова содержится не в книге Л. Клейн-борта «Очерки рабочей интеллигенции» (Пг., 1923), а в книге того же автора «Очерки народной литературы» (Л., 1924).

В очерках Л. Клейнборта и в книге В. Львова-Рогачевского помещена автобиография Гладкова. Возможно, в связи с подготовкой автобиографии к этим изданиям Гладков мог знать о них в 1923 г.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва. 8 августа 1925 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

я просил Ив<ана> Ив<ановича> Скворцова-Степанова обратиться к вам с предложением о сотрудничестве в «Новом мире»¹ — просил, откровенно говоря, заручиться вашим обещанием прислать что-нибудь для ближайших книжек журнала. Из полученного И. М. Касаткиным вашего письма² не видно, чтобы просьба эта была вам передана. В свое время я распорядился высылать вам «Новый мир», и вы, вероятно, уже знаете его характер: журнал рассчитан на читателя среднего уровня (сельская и уездная интеллигенция). До разреза нужно, чтобы вы что-нибудь прислали — рассказ ли, повесть ли, или просто отрывки более или менее законченные. Из многочисленных писем в редакцию читатели требуют ваших вещей. Я надеюсь, что вы не откажете в просьбе и вместе с ответом пришлете рукопись³.

Года два назад я послал вам на берлинское издательство мои книжки. Вы мне ничего не ответили: вероятно, вы их не получили⁴.

После долгого прозябания в глухих углах я, наконец, перебрался в Москву и упрямо работаю, не щадя сил, по вашему совету⁵. Вы меня, должно быть, немножко помните. Если вы просматривали мой «Цемент» в «Красной нови»⁶, то ваше слово для меня — драгоценно: ведь ваше имя прошло глубокой бороздой через всю мою жизнь.

Литературные нравы у нас немножко дикие: в литературных вопросах — невежество, некультурность, дилетантизм; все — в особенности «критики» и «теоретики» — размахивают руками, и каждая группировка, а наипаче каждый «критик» и «обозреватель» распоясывается, нахальничает, и большинство, в конце концов, похоже на того чеховского профессора, который пишет об искусстве, ничего в нем не понимая. Чуть ли не в один день раздуваются имена, чтобы лопнуть на другой день, как мыльный пузырь. Пример: Осинский, Фатов (вот уже бездарь-то!) Лелевич и др.; грешен в этом и Воронский. И все проходимцы, вроде Правдухина, не без успеха, обманывают публику⁷. Нет самого главного в каждом — любви к литературе, чуткости, честности и знаний. Впрочем, вам со стороны виднее. А растут писатели талантливые; есть все признаки, что в недалеком будущем будет создано действительно *новое* художественное слово. Достаточно того, что есть уже новые, не виданные раньше, люди, новые, своеобразнейшие формы жизни, новые отношения, наряду с проклятыми пережитками прошлого. И вполне естественно, что каждое ваше слово среди всех молодых писателей пользуется огромным авторитетом.

В «Нов<ом> мире» я исполняю обязанности фактического редактора. «Красная» нива вам выслана и будет высылаться впредь.

Очень много говорили о вас с Лидиным и Соболев⁸.

С приветом
Федор Г л а д к о в

Адресуйте на мое имя: Фед. Вас. Гладкову.

Москва. 8—VIII—25.

Письмо написано на бланке журнала «Новый мир».

¹ Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870—1928) — видный деятель партийной печати, редактировал журнал «Новый мир» с июля 1925 по октябрь 1928 г.

¹³ июля 1925 г. Скворцов-Степанов писал Горькому: «... я назначен редактором „Известий“, а вместе с тем и двух других изданий, существующих при „Известиях“ — „Красной нивы“ и „Нового мира“. Был бы очень рад, если бы вы в той или иной форме приняли участие в этих изданиях» (АГ).

² Иван Михайлович Касаткин (1880—1938) — писатель, редактировал журнал «Красная нива» (1924—1926).

15 июля 1925 г. И. М. Касаткин послал Горькому письмо с предложением издать его собрание сочинений в качестве приложения к журналу «Красная нива».

На предложение Касаткина и Скворцова-Степанова участвовать в работе журнала «Красная нива» Горький ответил в письме Касаткину от 24 июля 1925 г. (опубл. в «Новом мире», 1937, № 6).

Ф. В. ГЛАДКОВ

Фотография с дарственной надписью на обороте: «Учителю моему Алексею Максимовичу Пешкову. Ф. Гладков. Ст. Урульга, Заб. обл. 20 августа 1903 г.»

Музей Горького, Москва

³ Гладков обращается к Горькому с этой просьбой как секретарь редакции журнала «Новый мир». На просьбу прислать что-нибудь в «Новый мир» Горький ответил Гладкову: «И. И. Скворцов ничего не писал мне о „Новом мире“. И. М. Касаткин — тоже не писал.

Исполнить желание ваше — не могу, готовых к печати рукописей у меня нет. все уже розданы...» (т. 29, с. 438).

⁴ См. письмо 6, прим. 1.

⁵ См. письмо 5, прим. 4.

⁶ «Красная новь», 1925, №№ 1—6.

⁷ Осипский Н. (псевдоним Валеряна Валерьяновича Оболенского, 1887—1938) — партийный работник, экономист, журналист и литератор. В двадцатые годы выступал в печати со статьями о современной литературе (см. статьи: «Побеги травы». — «Правда», 1922, № 95, от 30 апреля; № 117, от 28 мая и № 148, от 4 июля; «Литературный год». — «Правда», 1925, № 26, от 1 февраля; 1926, № 1, от 1 января).

Николай Николаевич Фатов (1887—1961) — литературовед, в то время профессор 2-го Московского университета по кафедре новейшей русской литературы. Пре-

увеличенные оценки Н. Фатовым значения некоторых писателей, например П. Романова (альманах «Прибой», № 1, Л., 1925), вызвали резкую критику Горького (т. 27, с. 149; т. 29, с. 440).

Лелевич Г. (псевдоним Лабора Гилелевича *Кальмансона*, 1902—1937) — литературный критик, в 1923—1925 гг. — один из руководителей журнала «На посту», член редколлегии журнала «Октябрь».

Александр Константинович *Воронский* (1884—1943) — критик и публицист; с 1921 по 1927 г. редактировал журнал «Красная новь».

Валерий Павлович *Правдухин* (1892—1947) — критик, писатель; в 1924—1925 гг. заведовал литературным отделом журнала «Красная новь», автор сборников статей: «Творец, общество, искусство» (1923), «Литературная современность» (1926) и др.

⁸ Писатели В. Г. Лидин и А. М. Соболев — сотрудничали вместе с Гладковым в «Новом мире». Летом 1925 г. оба были в Сорренто у Горького.

8

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. <Январь, до 20-го, 1926 г.>

Дорогой Алексей Максимович,

вместе с этим письмом посылаю вам заказной бандеролью «Цемент» в издании «Земля и фабрика»¹.

Если не считать некоторых опечаток, книга издана, при наших возможностях и издательских порядках, исключительно хорошо. Плохо только, что на обороте титула значится: «Собрание сочинений»... Недоставало еще — «Полное собрание»!.. Но это — не моя вина. Издательство не посчиталось в этом отношении с моим желанием.

За ваши ценные советы я вам глубоко признателен². По возможности, я постарался выполнить их. Я очень хорошо вижу свои недостатки: нужно было многое переработать, обтесать, отшлифовать; многое в книге не отражено, много, м^{ожет} быть, лишнего. Но эта повесть писалась при очень тяжелых условиях: в 1923—24 г. у меня не было ни отдельной комнаты (я жил с семьей в 4 чел^{овека}) в дрянной конуре и работал только по ночам), ни средств к существованию, ни свободного времени (я учительствовал). И только великая любовь к литературе, которую не могли убить долгие неудачи (это вы знаете), и моя писательская одержимость питали мою веру, волю и настойчивость. Мне сейчас — 40 л^{ет}, но я чувствую, что я — болен, сильно надорван, и очень мне хочется отдохнуть, подкрепить себя. Одно поддерживает мою бодрость: все-таки не пропала даром моя борьба, все-таки мое упрямство победило (в большой степени в этом виноваты вы): свое место в литературе — пусть скромное — я отвоевал. И вот сейчас чувствую, как много хочется сказать: и о прошлом хочется писать, и о настоящем, — и прошлое и настоящее подавляют меня своей значительностью. Сколько пришлось видеть людей, событий, сколько было страданий, борьбы, боли, гнусности жизни, трагедий, радостей и надежд!.. Право же, будто несешь в себе всю Россию за последние 25—30 лет. Если бы удалось мне выполнить из того, что задумано, хотя десятую долю, я был бы очень счастлив; больно уж условия для работы плохи — до сих пор занят посторонней работой, постоянное недомогание, жилищные лишения и т. д., и т. п.

Ваше письмо сильно взволновало меня. Получить от вас такой хороший отзыв о моей работе³ — для меня очень много значит. Ведь в нашей литературе вы — единственный писатель, который пользуется исключительным, непререкаемым авторитетом. Каждым вашим словом *живут* здесь не днями, а месяцами и даже годами. Но ваше слово для меня драгоценно и независимо от этого обстоятельства.

Разрешите только рассеять некоторые недоразумения в связи с вашими замечаниями. Сергей, по-моему, вовсе не слаб⁴. Он — интелли-

гент, но не тот шаблонный интеллигент, которого люди напостовского толка и большевики эпохи военного коммунизма привыкли именовать «мягкотелым», «гнилым», «импотентным» и т. п. По выдержке, по напряжению воли, по силе убеждения он сильнее многих из персонажей. У него только одна небольшая слабость (если это только слабость) — склонность к рефлексии, отнюдь не разъедающей. Я его писал с большой любовью. — «Бадьин — затяжелен». Но это — тип. Такие советские администраторы — почти всюду на местах. Это — порождение эпохи военн<ого> коммунизма. — Выражение: «крой на ять» и др. в этом роде — не придумано мною, а взято из словесного арсенала рабочих-массовиков. Это — обычные словечки теперешнего рабочего.

Язык диалога мною выправлен, и югом уже пахнет слабо⁵. Тщательно пришлось пройти вообще по всей книге. Включено, впрочем, кое-что из того, что изъято Воронским (например, подглавка «Человек на подножном корму», целая глава: «Встреча покаянных» и кое-какие абзацы в разных местах книги)⁶. Мне было жалко расставаться с этими кусками.

Если найдутся у вас свободные минуты, не откажите просмотреть еще раз «Цемент» в целом виде. Судя по газетам и журналам, книга вызвала к себе большой интерес⁷.

О литературных достоинствах «Цемент» отзывы в общем очень лестные. Хотя Воронский, напр<имер>, говорить о нем совсем не собирается и на одном литературном вечере высказал мысль, что «Цемент» интересен не литературными достоинствами, а только темой. Я не склонен приписывать это личной его неприязни ко мне (эта неприязнь у него есть). Тут — другое. Он вообще считает, что т<ак> н<азываемые> «пролетписатели» не способны сейчас создавать подлинную литературу⁸. Но ведь темы-то одной мало: надо все-таки уметь тему-то преподнести. Не только важно — «что», но и не менее важно — «как». Это — трюизм, а вот на этой почве идут бесконечные дискуссии. Потом ведь совсем неясно, что разумеют под именем «пролетписателей». Если это — писатели-марксисты, то это вовсе не предпрещает вопроса о степени их способности создавать литературу; если это — писатели-рабочие, то опять-таки очень смело и преждевременно заявлять, что «из фасоли не вырастет древа». Я — марксист, партиец, революционер. Воспитывался на литературе классической, учился, читал, много работал над собою. Что же из этого следует? А следует, очевидно, то, что раз я отмечен клеймом «пролетписателя», то... «из фасоли не вырастет древа». В конце концов все это страшно надоело, и просто стыдно и гнушно от этой пошлости.

Я никогда не делил наших советских писателей на овец и козлиц. Напостовщина мне чужда⁹, так же чужд и Воронский, замкнувшийся в «круговской» оранжерее¹⁰. Для меня наша теперешняя литература — едина. При видоизмененных формах классовой борьбы нет ни буржуазной, ни чисто пролетарской литературы. Есть революционная литература, внутри которой совершается напряженная молекулярная творческая работа, происходит непрерывный процесс творческого взаимодействия и соревнования, создается новый писатель, ищущий новых творческих путей. Это надо, наконец, признать и громко сказать вслух. Но вся беда в том, что нашей литературе недостает хорошей, талантливой, руководяще-воспитательской критики. Существующая же критика вносит только путаницу и занимается склокой, карьеризмом, личными счетами.

Если будет подходящая минута, не откажите в ответе.

Правда ли, что вы думаете приехать в Москву для организации журнала? Об этом здесь говорят как о достоверном факте¹¹.

Разрешите прислать вам и остальные две мои книжки¹², которые выйдут через месяц.

В очередной книжке «Нового мира» (журнал теперь реформирован, увеличен в объеме)¹³ идет статья Белозерова, посвященная вашему пребыванию и вашей революционной работе в Нижнем. Приведен богатейший материал охранки. Идет также большая литературная статья о вас Д. Горбова (молодой, способный ученый)¹⁴. Было бы чрезвычайно важно получить от вас хотя бы небольшой отрывок из того, что написано вами. Хочется верить, что вы не откажете.

От подписчиков я получил более 200 писем, в которых они запрашивают редакцию, будет ли у нас печататься М. Горький. И я смело отвечаю: да, будет. Обнадежьте, пожалуйста¹⁵.

С крепкой любовью Ф. Г л а д к о в

Мой адрес: Москва, Арбат. Староконоюшенный пер., д. 33, кв. 2. Фед. Вас. Гладкову.

Очень большая к вам просьба. Я все время искал здесь одного из последних ваших портретов и нигде не нашел. Если у вас есть лишняя карточка — не откажите прислать мне с вашим автографом. Вы принесете мне большую радость. Пожалуйста.

Письмо датируется по времени выхода в свет первого издания романа «Цемент» и по письму Гладкова В. П. Полонскому от 19 января 1926 г., в котором сообщалось, что 19 или 20 января Гладков уезжает на два месяца лечиться в Севастополь (ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 88).

¹ Ф. Г л а д к о в. Собр. соч., тт. I — III, М. — Л., «ЗиФ», 1926, т. III. — «Цемент».

² Речь идет о письме Горького Гладкову от 23 августа 1925 г. с замечаниями о «Цементе» (т. 29, с. 438—440).

³ Горький писал: «Разрешите сказать несколько слов о „Цементе“. На мой взгляд, это — очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До вас этой темы никто еще не коснулся с такою силой. И так умно» (т. 29, с. 438).

⁴ В указанном письме от 23 августа 1925 г. Горький писал о Сергее: «Да, Сергей написан по шаблону — „интеллигент, значит — слаб и жалок“. Вы всё забываете, что большевиком и творец его Вл. Ленин — это пришло из интеллигенции» (т. 29, с. 439).

⁵ О языке «Цемент» Горький в этом же письме писал: «Язык диалогов весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык. Но, видите ли, дело происходит в Новороссийске, как я понимаю. За Нов(ороссийском) стоит огромная разноречивая, разноязычная Россия. Ваш язык трудно будет понять цыковичу, вятичу, жителям верхней и средней Волги. Издесь вы, купно со многими современными авторами, искусственно сокращаете сферу влияния вашей книги, вашего творчества...» (т. 29, с. 439).

⁶ Речь идет о тексте «Цемент» в «Красной нови», 1925, №№ 1—6.

⁷ Гладков имеет в виду отклики на роман «Цемент», появившиеся в журналах: «Печать и революция», 1925, кн. 7; «Звезда», 1925, № 5; «Комсомолия», 1926, № 2; «Новая Россия», 1926, № 2; «На литературном посту», 1926, январь, и др.

⁸ Речь идет об одном из основных теоретических положений Воронского, которое неоднократно высказывалось им в публицистических, критических статьях и выступлениях: «Пролетарское искусство сейчас нет и не может быть, пока перед нами стоит задача усвоения старой культуры и старого искусства (...) То, что называется пролетарским искусством, есть прежнее искусство, имеющее, однако, своеобразную целевую установку: быть полезным не буржуазии, а пролетариату» (А. В о р о н с к и й. Искусство и жизнь. Сборник статей. М. — Пг., «Круг», 1924, стр. 99).

Что касается отношения Воронского к «Цементу», то Гладков пишет об этом далеко не объективно. Роман был впервые опубликован в журнале «Красная новь», редактором которого был Воронский. Впоследствии он писал о «Цементе» как о «незаурядном явлении в литературной жизни последних лет». Далее: «Гладков впервые в художестве взял темой восстановительные годы. (...) Этот период еще свеж в нашей памяти, мы еще не отошли от него, но Гладкову удалось окутать его легендой, своеобразной революционной романтикой и, следовательно, его опоэтизировать. В факте, прозаическом на первый взгляд, писатель сумел найти и драматизм, и огромное напряжение коллективной воли рабочих масс» (А. В о р о н с к и й. Литературные портреты, 1929, т. II, стр. 215, 218).

⁹ Имеются в виду ошибки тогдашнего руководства РАПП, выразившиеся в литературной политике журнала «На посту» (1923—1925) под редакцией Г. Лелевича, С. Родова, Б. Волина (сектантские тенденции — недооценка творчества так называемых писателей-«попутчиков», администрирование в руководстве пролетарской литературы и пр.).

Опубликованная в июне 1925 г. резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы» осудила проявления комчванства в напостовских кругах.

Гладков писал: «Со многими организационными и теоретическими установками РАПП, которые считал вредными, вел активную борьбу, за что подвергался свирепой травле ряд лет» (Из автобиографической заметки, написанной для Института мировой литературы в 1939 г. Отдел рукописей ИМЛИ).

¹⁰ Под «круговской оранжереей» Гладков имеет в виду артель писателей «Круг» (1922—1929), объединившую в основном «попутчиков» — писателей и критиков. А. Воронский руководил изд-вом «Круг» и входил в правление артели. Многие писатели «Круга» активно участвовали в журнале «Красная новь», редактировавшемся до 1927 г. Воронским.

¹¹ Возможно, речь идет о предполагавшемся издании журнала «Собеседник» (см. «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3. М., 1959, стр. 417).

¹² См. след. письмо.

¹³ Журнал увеличился в объеме с января 1926 г., расширились отделы художественной литературы и критики.

¹⁴ А. А. Белозеров. Из молодых лет Максима Горького (По новым материалам). — «Новый мир», 1926, №№ 3—4. Замечания Горького по этой статье см. в письме его к А. А. Белозерову от 24 апреля 1927 г. (т. 30, с. 21—23).

Статья Д. Горькова «Путь М. Горького» была опубликована в «Новом мире», 1928, №№ 3—4.

¹⁵ До 1928 г. Горький в «Новом мире» ничего не публиковал. В 1928 г. в №№ 5—9 журнала печатался роман «Жизнь Клима Самгина» (вторая часть трилогии «Сорок лет»).

9

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

24 марта 1926.

Москва. Арбат. Старокожуховский пер.,
д. 33, кв. 2 — Фед(ору) Васильев(ичу)
Гладкову.

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю две остальных моих книжки ¹. «Изгой» включают то, что написано до 18 года. «Пучина» — это рассказ, напечатанный вами в «Летописи» под заглавием «Единородный сын». Пьесы — неудачная попытка испробовать силы в области драматургии. Сборник «Огненный конь» — работа в течение всего 1922 года. Как бы ни была написана повесть «Огненный конь» — я все же люблю ее: я писал ее горячей кровью ².

Получили ли вы «Цемент»? Я посылал его вам в Сорренто. Если не получили, я немедленно вышлю. Успех «Цемент» — исключительный. 10 000 разошлись в течение одного месяца. 2-е издание печатается в количестве 15 000 экз. То же самое и с остальными книжками. Читают доклады, устраивают диспуты. Очевидно, сумел попасть в точку. Но мое состояние таково, что будто меня судят за какое-то тяжелое преступление: ни радости, ни удовлетворения. И почему-то очень мне скучно от всего этого, Алексей Максимович. Точно я поглупел и поглупели все люди. Люди же иного лагеря, начиная от «Нов(ой) России» ³ до густопсовых белогвардейцев (эмигрантов), сильно ругают. Это — веселее. Желчные люди всегда говорят остроумные вещи.

Не откажите в ответе: жду с величайшим нетерпением.

С тяжелым чувством думаю о нашей критике. Этот род литературы у нас еще не родился. Это — болото, где квакают лягушки. И сколько пошлости и фиглярства, боже мой!

В прошлом письме я просил вас о вашей фотографии. Не откажите прислать. Для меня она очень дорога. Простите за сентиментальность.

С любовью Ф. Г л а д к о в

Мрет у нас талантливая молодежь. Очень тяжело. Скорблю о Фурманове ⁴.

¹ Гладков послал Горькому два тома своего первого собрания сочинений: т. I. Изгой. Повести и драматические сцены, с надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову с великой любовью. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва», т. II. Огненный конь. Повести и драмы, с надписью: «Максиму Горькому— человеку и писателю, который неугасимо освещал путь мой от ранней юности и изумительной своей жизнью давал мне пример бодрости и упорства в борьбе. Ф. Гладков. 24—III—26. Москва» (титульные листы с дарственными надписями хранятся в АГ).

² Впоследствии Гладков писал: «Ранее написанные повести „Огненный конь“ и „Пьяное солнце“ считаю порочными и чуждыми мне по духу и по форме и отвергаю их» («Автобиография», т. I, стр. 14). «Пьяное солнце» было опубликовано в «Новом мире», 1927, №№ 8—9.

³ Общественно-политический литературно-художественный журнал «Новая Россия», выходил под ред. И. Г. Лежнева в Петрограде в 1922 г., затем в Москве до 1925 г. под названием «Россия», и в 1926 г. вновь под названием «Новая Россия» (вышло только три номера).

В № 2 «Новой России» был помещен отзыв о романе Гладкова «Цемент»: «Замысел автора — показать пафос строительства в его буднях. Эта крайне трудная художественная задача вряд ли удалась молодому автору, склонному по форме к старому бытописательству» (заметка в отделе библиографии).

⁴ Дмитрий Андреевич Фурманов умер 15 марта 1926 г.

10

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, Арбат, Старокопюшенный 33, кв. 2.
16—IV—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Нужно ли говорить вам, какое значение имеют для меня ваши письма? Они окрыляют меня, насыщают силой, бодростью, верой и, чёрт возьми, еще большим упрямством¹. Нужно ли говорить, что каждое ваше письмо,

*Дорогому Алексею Максимовичу Пешкову
с великой любовью Ф. Гладков
24-го 26
Москва*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
Ф. В. ГЛАДКОВА ГОРЬКОМУ
НА ПЕРВОМ ТОМЕ «СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ» (М., 1926):

«Дорогому Алексею Максимовичу
Пешкову с великой любовью.
Ф. Гладков. 24—III—26. Москва»

Архив Горького, Москва

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
Ф. В. ГЛАДКОВА ГОРЬКОМУ
НА ВТОРОМ ТОМЕ «СОБРАНИЙ»
СОЧИНЕНИЙ» (М., 1926):

«Максиму Горькому — человеку и писателю, который неустанно освещал путь мой от ранней юности и изумительной своей жизнью давал мне пример бодрости и упорства в борьбе»
Ф. Гладков. 24—III—26. Москва»

Архив Горького, Москва

Максиму Горькому — человеку и писателю, который неустанно освещал путь мой от ранней юности и изумительной своей жизнью давал мне пример бодрости и упорства в борьбе.

*24-III-26
Москва.*

Гладков

это — событие не только в моей жизни, но и в жизни писателей. Характерно, что люди быстро проникают о новом вашем письме, и от них нет отбою несколько дней.

Я очень покаялся, что послал вам две последние свои книжки: большинство из того, что там собрано, — дрянь. Уж лучше не читайте, — мне стыдно. Может быть, только кое-что из «Огненного коня» написано кровью, да из рассказа «Зеленя» — несколько строк, да из «Пучины» — несколько строк. А «Изгой» и глупые пьесы — сплошная ерунда. Я знаю свои недостатки и чувствую их до физической боли. Не теряйте времени даром — не читайте², выбросьте их, как хлам.

Принялся я опять за большую повесть. Когда ее напишу — не знаю³. Все будто бы ярко — и люди, и картины, и события, а начинаешь работать — ничего не выходит: плохо, бледно, и слова какие-то беспомощные, ничтожные, бескрасочные, скучные. Все дело в том, что слишком много у меня препятствий для регулярной работы. Целый год один вез на себе «Нов(ый) мир» — не написал ни строки. Провел его реформу, сбил портфель⁴, — поехал лечиться. Недавно убедил И. И. Скворцова освободить от работы⁵. Но не успел отдохнуть — запрягли в партработу. <...>

«Маститый» А. Лежнев (не из «Н(овой) России») ⁶ продолжает «создавать» критику. Недавно он изрек такую истину, что если допустить, что у нас критика плоха, то это потому, что плоха литература, ибо «каждая критика достойна своей литературы»: Белинскому соответствовали Пушкин и Гоголь, Тэну — Флобер и Золя. А кто из писателей — разночинцев в 60-х гг. соответствовал Добролюбову, Чернышевскому и Писареву? А кто из народников 70-х гг. соответствовал Михайловскому (Успенского

я исключая)? Наконец, кто из критиков соответствовал в 900-х гг. целой плеяде блестящих писателей во главе с М. Горьким? Скучно от этого невежества. Надо знать немного историю, чтобы не говорить глупостей. Все дело в том, что нет таланта в критике. Ведь это — особый род литературы, который требует своих творцов и вождей.

Думаю: какой писатель нужен для нашего времени? Какой писатель пойдет в будущее? Несомненно тот, который способен глубоко и ярко отобразить нашу эпоху — все ее проклятые вопросы и идеалы, — кто нащупал нового человека, кто понял самую сердцевину общественных отношений нашего времени. Наше время требует художественного *обобщения*, потому что в обобщенном образе — дыхание будущего. Писатель нашего времени неизбежно должен быть *романтиком*. А чтобы быть *романтиком* сейчас, надо быть диалектиком (в марксистском понимании). Надо почувствовать, надо знать, надо органически слиться с рабочим классом, п<отому> ч<то> он теперь является главным героем мировой истории. Хотелось бы поговорить об этом побольше, но... Очень хочу услышать по сему поводу ваше слово.

Прошу извинить за длинное письмо. Ведь вы очень заняты, а я вас утруждаю.

Разрешите надеяться на скорый ответ.

Еще раз (не сердитесь за назойливость!) напоминаю о фотографии. Лето буду жить под Москвой. М<ожет> б<ыть>, поеду и на Волгу. Я серьезно болен — очень уж измотали меня эти годы.

Я глубоко тронут вашим дружеским участием ко мне — большое, горячее вам спасибо.

С крепкой любовью

Ф. Г л а д к о в

¹ Гладков, по-видимому, имеет в виду письмо Горького от 3 апреля 1926 г., в котором Горький писал: «Успеху „Цемент“ я — рад. Уверенно думаю, что служебное, социальное значение этой книги будет очень значительно. Она должна многих воспитать. Я уже писал, кажется: честь вам, вы первый взяли тему „труд“ и сумели разработать ее с пафосом. Это вам зачтется» (т. 29, с. 460).

² В этом же письме Горький писал: «Все ваши книги я получил, дорогой Федор Васильевич, а прочитать еще не успел...» (т. 29, с. 460).

³ Речь идет о повести «Старая секретная», которую Гладков набросал вчерне в начале первой мировой войны и вернулся к ней вторично в 1925—1926 гг. (см. «Автобиография», т. I, стр. 13). «Старая секретная» впервые была напечатана в «Новом мире», 1927, №№ 1—3.

⁴ Речь идет о реорганизации журнала «Новый мир». См. письмо 8, прим. 13.

⁵ В журнале «Новый мир».

⁶ А. Лежнев (псевдоним Абрама Захаровича Горелика) (1893—1937) — критик, теоретик литературной группы «Перевал».

Дорогой Алексей Максимович!

Жду тщетно от вас ответа на мое письмо и вашу фотографическую карточку, которую вы твердо обещали выслать на Пасхе. Настойчиво прошу вас сделать это, хотя бы эта настойчивость и вызвала у вас досаду. Не отстану, ей-богу!

Вы, вероятно, уже слышали о последнем нашем литературном событии. Это — конфискация 5-й кн<иги> «Нов<ого> мира» с рассказом Пильняка «Повесть непогашенной луны»¹. Рассказ посвящен смерти Фрунзе,

но так преподнесен, что действительно тошно читать. Ив<ан> Ив<анович> Скворцов склонен видеть в нем изображение сильных личностей, рожденных великой революцией и способных на всякие жертвы. Я же вижу в нем только полное отсутствие творческой фантазии автора (которой он, кстати сказать, никогда не имел и не будет иметь), полное незнание того, что он описывает, и рабское использование обывательских сплетен, которые созданы вокруг этого события. Вся соль в том, что рассказа в редакции не читали, а пустили потому, что это — Пильняк... Кроме того, рассказ Пильняк читал Воронскому, который одобрил. В связи с этим положение Воронского одно время было безнадежно, но теперь, кажется, он остается, хотя и с выговором и с обязательством опубликовать в печати письмо с выражением «презрения» к Пильняку. Чёрт знает что!.. Из всего этого следует одно, что грош цена тому писателю, который не знает своей эпохи, людей этой эпохи (а теперь наше искусство вплотную подошло к человеку), острых проблем наших дней и не чувствует мощного дыхания будущего. Никогда, кажется, не был так четко и определенно поставлен вопрос о писателе, как сейчас: чтобы познать и почувствовать нашу сложнейшую, катастрофическую эпоху, писателю надо быть в полном смысле диалектиком и политиком, п<отому> ч<то> никогда еще так остро не ставились в искусстве социальные проблемы, как сейчас. Только тот писатель сейчас имеет большую ценность, который органически вышел из революции и сам — глубокий революционер, в нашем понимании, конечно. Несмотря на огромный талант, такие писатели, как Есенин или, скажем, Бунин, — уже рудименты, и гибель их — явление хотя и грустное, но естественное и неизбежное. Вот почему вы, так могуче насыщенный всеми дарами художника — общественника и революционера — являетесь единственным вождем и учителем всего теперешнего поколения писателей и останетесь им на очень долгие времена.

Я очень часто думал: что, если бы вы громко сказали свое слово в сторону нашей <так> наз<ываемой> критики? Как она нуждается в окрике и руководительстве! Ее нужно не только направить, но и создать. Нет ничего более легкомысленного, неавторитетного, беспринципного, рептильного и беспредельно тупого, как эта чванливая, самоуверенная орда! А как вспомнишь, что в прошлом был пламеннейший и благороднейший Андреевич² (хотя бы) — и очень грустно становится на душе от «бедности, бедности и несовершенства»³ нашей критики. Я хотел бы услышать от вас ваши мысли по этому поводу. Ведь такие критики, как Лежнев и ему подобные, способны заразить неизлечимой идиосинкразией против этого рода литературы.

Советом вашим о поездке по Волге воспользоваться не мог: нет денег — «ЗиФ»⁴, как и все издательства, держит в черном теле — не платит денег и обжуливает, как отъявленный кулак. Живу под Москвой, в деревне, а работаю много и с упоением. Пишу, во-1-х, большую повесть из современности, во-2-х, ряд небольших рассказов о былом⁵. Дышу полной грудью березовым и липовым воздухом и купаюсь в зелени. Читаю, но, как обычно, — беспорядочно. Нервно болел довольно сильно. Еще до сих пор не оставляют (и, вероятно, долго не оставят) в покое партийные комиссии по расследованию моего революционного и иного прошлого, несмотря на помощь и защиту таких людей, как И. И. Скворцов. Хотел уже залезть в вору, чтобы не тревожили и не мучили, но Ив<ан> Ив<анович> толкает дело довести до конца.

Все мои «сочинения» вышли 2-м изданием: «Цемент» — в 15 000, а остальные в 7000. Сейчас, как и раньше, спрос необыкновенный. Всюду — дискуссии и толпы читателей в очередях. А читатели — все, без различия классов, возрастов и образования. И что особенно интересно — читают

партийцы, которые вообще ничего не читают, кроме газет, ведомственной и профессиональной литературы. Некий Уманский прислал предложение перевести меня на немецкий язык (из Мюнхена).

Как ваше здоровье? Обязательно сообщите. Думаете ли приехать к нам и как скоро?

С крепкой любовью

Федор Гладков

¹ Рассказ Б. Пильняка вызвал возмущение всей советской общественности. Отрицательно отзывался о нем и Горький, который писал А. Воронскому 24 июля 1926 г. «Вашей истории с Пильняком не могу понять. В чем дело? К Пильняку я отношусь отрицательно, это плохой литератор. „Без души“, без любви к делу своему и с какой-то двусмысленной усмешкой <...> Рассказ его мне очень не понравился именно двусмысленностью...» (АГ). Воронский, которому был посвящен рассказ, отказался от посвящения в письме в редакцию «Нового мира» («Новый мир», 1926, № 6). Б. Пильняк послал в редакцию «Нового мира» письмо с признанием ошибочности «Повести непогашенной луны» (см. «Новый мир», 1927, № 1).

² Андреевич (псевдоним Евгения Андреевича Соловьева, 1863—1905) — критик и публицист, автор ряда работ о Белинском, Л. Толстом, Горьком и книг «Очерки по истории русской литературы XIX века», «Опыт философии русской литературы».

³ Слова из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» (т. II, гл. 1).

⁴ Государственное акционерное издательское общество «Земля и фабрика», возникшее в 1922 г.; с 1926 г. издавало исключительно художественную литературу. В этом издательстве выходило первое собрание сочинений Гладкова.

⁵ Вероятно, речь идет о романе «Энергия» и повести «Старая секретная».

В статье «В творческой лаборатории» (по поводу работы над «Цементом» и «Энергией») Гладков писал, что первые мысли об «Энергии» зародились вскоре после выхода в свет «Цемент» в 1926 г. (Ф. Гладков. О литературе. М., Гослитиздат, 1955, стр. 24). См. также письмо 10, прим. 3.

12

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва〉 22—X—26.

Дорогой Алексей Максимович!

В статье Воронского о «Чертухинском балакире» («Красная новь» 10) приведена выдержка из вашего письма, в котором вы указываете на разноречие в литературе по отношению к деревне¹. Разноречие это, конечно, вполне понятно и исторически оправдано. К слову сказать, меня интересует этот вопрос с другой стороны: а не намечается ли такое разноречие в литературе и по отношению к рабочему как строителю будущего? Скептическое отношение к нему более ощутимо в западной литературе. Не говоря о рукописях, не увидевших света (их мне пришлось читать довольно много), иногда и у наших литераторов приходится встречать что-то вроде неверия в творческие силы рабочего класса (именно как настроение, а не тенденция). Что касается поэтизации рабочего как «бунтаря во имя социализма», то приходится зажимать уши от фальшивых визгов и оглушительной «уры» во славу победоносного пролетариата. Пишется много рассказов и поэм на эту тему, но как это все — казенно и безграмотно! «Бунт во имя покоя» — это верно сказано, и об этом больше всего пишут наши писатели. Но «бунт во имя будущего» — это написать невероятно трудно.

Еще большее разноречие и у критиков и теоретиков искусства. Сколько мне пришлось наслушаться за эти годы пессимистических тирад насчет способности рабочего класса к созидательному труду «на тысячелетия». Один известный критик и редактор большого журнала, старый партиец, горячо и убежденно заявил однажды, что пролетариат (и наш, конечно) и впредь останется только «Джимми Хиггинсом»², ибо у него нет ни сил, ни знаний, ни культуры — он ничтожная кучка среди миллионных масс

крестьянства. В конечном счете и основные темы в художественной литературе намечаются и определяются этими крестьянскими массами. Поэтому, мол, мы и будем пока пробавляться и ехать на мелкобуржуазной литературе. Рано, мол, еще нам мечтать не только о коммунизме, но и о социализме. Поэтому всякая попытка художественного изображения этого «бунта во имя будущего», «работы на тысячелетие» — чистая утопия: из этого ничего не получится, кроме квасной агитки, халтуры и лганья.

Лично я решительно возражаю против этого утверждения. Я считаю, что «поэтизация созидającego труда» — это коренная задача художественной литературы нашего времени. Вот почему, несмотря на недостатки «Цемент», он захватил, взволновал самые широкие массы рабочего читателя. Целые хвосты в библиотеках, диспуты в рабочих клубах, 40 тысяч экземпляров, выброшенных на рынок. Я думаю, что это — не случайность, а явление большого общественного значения.

Причина того, что, напр<имер>, о моем «Цементе» не было ни одной строки в «Кр<асной> нови», объясняется просто: Воронский не признает за ним художественной и общественной значимости, т<о> е<сть> попытку поэтизации труда — этого бунта на века — считает безнадежной, хотя это обстоятельство почему-то не помешало ему печатать роман в своем журнале.

Вот тут-то и смущают меня следующие ваши слова из того же письма, которое приводит Воронский³: «Цемент» — произведение не художественное в принятом смысле слова, но и не чисто «агитационное»... Прожил я 43 года, учился у достойнейших учителей-художников пониманию основ художественного творчества, а теперь после ваших слов в башке — полный кавардак. Ничего не понимаю. До сих пор я привык думать, что я знаю, что такое художественное произведение, а теперь я точно кувыркаюсь в воздухе. Что значит «принятый смысл слова»? А по этому «принятому смыслу слова» произведения Л. Толстого, М. Горького, Достоевского — художественные произведения? Вероятно, нет.

Создание силою слова живых людей, умение влить в них огненный дух эпохи, передать трепетание жизни в образе и т. д. — относится ли это к признакам художественного произведения? Думаю, что — да. Я знаю рабочие массы, знаю, чем дышит наше время, знаю, что такое «бунт» — «работа на тысячелетие». И за работу свою (не только над «Цементом», но и над «Огнен<ным> конем») брался уверенно и вдумчиво. Пусть работа немного торопливая (таковы условия), но работал я честно, как художник, и не лгал ни в одной фигуре, ни в одном образе. А теперь оказывается, что это противоречит «принятому смыслу слова»... Нет, расколите мне череп, но то, что я делал, — художественное произведение.

Потом я не понимаю еще одного. В одном письме вы писали мне: «Язык диалогов весьма жив, оригинален и даже правдив. Я знаю этот язык... но... вы сокращаете сферу влияния вашей книги...» и т. д.⁴ Теперь же вы пишете: «...поэтизация созидającego труда, ... достаточно корявая, неубедительная в диалогах»... Как согласовать эти две оценки?

Я люблю поэзию народного говора, знаю множество наречий и чувствую своеобразную их прелесть. В романе говорят двое-трое на местном наречии, остальные — нет. Согласен, что увлекаться этим не следовало. Я это понял, и во 2-м издании, по возможности, устранил, — вернее, смягчил жаргон. Но это не значит, что я не смог справиться с диалогом. Над диалогом я работаю много и долго и стараюсь довести его до совершенства. И если вы находите в одном случае его «живым, оригинальным и даже правдивым», а в другом — «корявым и неубедительным», то я — в затруднении, как согласовать эти обе характеристики⁵.

Прошу извинения за эти строки. Они написаны под впечатлением того гвалта, который поднялся после выхода 10 кн<иги> «Кр<асной> нови».

До чего осатанела публика! Прежде всего многие не могут простить мне моей, чёрт бы ее побрал, «славы». Вот вся эта публика и свистит; злорадно, с ехидством:— «А знаешь, Воронский бьет уже словами Горького»...— «Что, брат? Горький-то развенчал вдрызг твой „Цемент“ — не художественно, говорит»...— «В Союзе писателей говорят... В редакции „Нов<ого> мира“ говорят... В „Кр<асной> нови“ говорят...» Так надоело — мочи нет.

Все это, разумеется,— чепуха: замолчат.

Воронский находит, что «Чертухинский балакирь» — произведение большой общественной и художественной значимости и пишет о нем большую статью⁶, а вот «Цементу» он в этом отказывает. В чем дело? С одной стороны, он печатает его в своем журнале, а с другой — выступает публично и заявляет: литературных достоинств в нем нет, хотя тема исключительно талантливая (подлинные слова). Ничего не понимаю в этой абракадабре.

Что бы там ни было — буду работать до последнего издыхания. Когда-то вы мне писали: «работайте, не щадя сил», и я крепко следую этому вашему совету.

Дорабатываю сейчас повесть из прошлого (политическая тюрьма), но эта работа почему-то недостаточно волнует меня. А вот роман из современности захватил целиком. Кончу его, вероятно, не ранее, чем через год⁷.

Вы обещали свой последний снимок с автографом и — не выслали.

С любовью

Ф. Г л а д к о в

Мой адрес: Москва, 34, Арбат. Старокопюшенный, д. 33, кв. 11.

¹ Автор «Чертухинского балакиря» — Сергей Клычков (псевдоним Сергея Антоновича *Леженкова*, 1889—1941). Стихи и романы Клычкова были проникнуты идеализацией старого деревенского быта, неприязнью к тому новому, что принесла революция в жизнь крестьянина.

В статье А. Воронского «Лунные туманы» о романе Сергея Клычкова «Чертухинский балакирь» («Красная новь», 1926, № 10) приведены следующие слова из письма Горького к Воронскому от 17 апреля 1926 г.: «Мне кажется, было бы своевременным отметить в текущей литературе разноречие двух отношений к деревне, наметившихся уже довольно определенно: поэтизация деревни, нисходящая до сочинений Златовратского и иже с ним, и скептическое отношение к деревне, напоминающее Слепцова. Я говорю не о тенденциях, они еще не слышны, а о настроениях, — это уже есть. Как хотите думайте, — во все-таки человек бунтует для того, чтобы достичь покоя. Поощрять его в этом не следует. Ты, милый, бунтуй, не забывая, что это — работа навсегда, на тысячелетия...»

² Вероятно, речь идет об А. Воронском. В одной из автобиографий Гладков писал: «... в Москве, когда я пришел в редакцию толстого журнала, я встретил неласковый прием (...) Когда я пришел через месяц с целью взять рукопись, редактор выразил удовольствие от рассказа. Но и до сих пор у него осталось осторожное, я бы сказал, холодное отношение ко мне, как и ко всем писателям „Кузницы“. Обычные его слова: „Вы ничего не можете сотворить нового, пролетарские писатели! Мы пока будем пробавляться мелкобуржуазной литературой. Идеалы коммунизма отодвинулись от настоящего дня в бесконечность. Вам нечем питаться, и вы будете писать о Джимми Хиггинсах. А вот Пильник, Вс. Иванов, Малышкин — люди, которые пишут так, как не писал никто за эти 15—20 лет“ (Л. М. К л е й н б о р г. Очерки народной литературы. Л., 1924. См. также Ф. В. Г л а д к о в. Автобиография, т. I, стр. 206).

Джимми Хиггинс — герой одноименного романа американского писателя Эптона Синклера.

³ «...Я встретил „Цемент“ Гладкова — произведение не художественное в принятом смысле слова, но и не чисто „агитационное“ — с радостью, потому что это у нас первая попытка поэтизации созидającego труда и хотя достаточно корявая, неубедительная в диалогах, — но сопоставьте-ка ее с гекзаметрами Златовратского, которыми он написал картину косовицы в „Устоях“, или с гекзаметрами Радимова, с „Сахарным немцем“ Клычкова...» («Красная новь», 1926, № 10).

⁴ См. письмо Горького от 23 августа 1925 г. (т. 29, № 799).

⁵ В ответном письме от 30 октября 1926 г. Горький подчеркнул свою высокую оценку «Цемент», но повторил упрек в засорении романа провинциализмами, местными речениями: «Из того, что вы „любите поэзию народного говора“, еще не следует, что вы любовь вашу можете втискивать в язык литературный. „Говоров“ у нас десятка два, но классики наши не пользовались ими, хотя и восхищались. Нет, тут вы не правы» (т. 29, с. 482).

2 ноября 1926 г. Горький написал Воронскому: «Гладкова, кажется, очень задела опубликованная выдержка из моего письма <...> Его „Цемент“ — по теме, по пафосу темы — вещь в нашей литературе новая. Это следовало бы отметить» (АГ).

А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ, П. Г. НИЗОВОЙ, А. П. ЧАПЫГИН, Ф. В. ГЛАДКОВ

Фотография 1932 г.

Собрание Т. Н. Гладковой, Москва

⁶ В письме Гладкову от 30 октября 1926 г. Горький писал: «Клычков написал книгу хорошую, но художественная ее значимость несколько преувеличена Воронским, а „философская“ — недостаточно освещена. Клычков от „миллионных масс крестьянства“, а мои симпатии навсегда с „ничтожной кучкой“ городского пролетариата и с интеллигенцией» (т. 29, с. 482).

⁷ См. письмо 11, прим. 5.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 20—XI—26.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы напрасно упрекаете меня в том, что я будто бы обиделся на вас, мне только показалось, что в ваших оценках моей повести есть некоторые противоречия. Мне хотелось, чтобы вы разъяснили мне некоторые недоуменные вопросы. И только. Обижаться в таких случаях было бы дикой глупостью с моей стороны.

А за то, что вы немножко и строгонько пробрали меня в своем письме ¹ — за это большое спасибо.

Вы совершенно правы, когда говорите, что самокритика и есть самая настоящая критика ². Не думайте, что я самообольщаюсь и переоцениваю

свои силы. Наоборот, я слишком, кажется, ослабляю себя чрезмерным неверием в свою способность к художественной работе. Разве я не знаю, что я — еще очень плохой писатель? Мало того, я с болью прихожу к мысли, что я — еще не писатель, что едва ли из меня даже выйдет писатель. Бывают времена, когда я каменею на недели, на месяцы, и тогда мне жутко жить, не хочется жить.

Конечно, я был бы чистый балда, если бы по-бычьему упирался на одном месте, утверждая, что тот диалог, который я ввел в «Цементе», а в особенности в «Огненн(ом) коне», — диалог с «широкой сферой влияния». При 2-м и 3-м издании книги я почти совсем устранил элементы жаргонности. Ваше разъяснение получено, и я удовлетворен.

Насчет понятия «художественности»³. Мне не спорить с вами о том, что такое художественное произведение. Однако это понятие, очевидно, еще не совсем ясно для многих. Бестолково и по-разному подходили к определению «интеллигенции» и, кажется, ни к чему не пришли. Это было давно, и это было недавно. Сейчас на все лады определяют «сюжет». А завтра опять будут толковать и вкривь и вкось о том, что такое «художественное произведение». Ваше определение этого понятия, по-моему, относится больше к формальной стороне произведения. Конечно, как сделано произведение — имеет первостепенное значение. Но этим, я думаю, не вполне определяется понятие «художественности». Тогда главная масса нашей литературы, начиная от Гоголя, будет, по общепринятому смыслу слова, мало художественна. А между тем это — не так. Вы сами же противопоставляете «художественное» «агитационному», т(о) е(сть) грубо тенденциозному. Поэтому не является ли одним из главных признаков художественного произведения — «правдоподобность», которой не может отрицать даже заядлый формалист⁴. Эта самая правдоподобность и есть то трепетание жизни, которое в произведении силою образа создает иллюзию подлинной жизни, причем эта иллюзия тем сильнее, чем образ гуще типизирован. Этот признак — величина постоянная, а форма — функция переменная. Но и то и другое диалектически развивается в зависимости от изменений общественных отношений. И ваше заявление о том, что вы за 35 лет не написали ни одного рассказа, который удовлетворял бы формальным требованиям «в общепринятом смысле слова», я рассматриваю, как известное евангельское изречение: «будьте совершенны, как совершенен отец ваш небесный». Но кто, откровенно говоря, из писателей за все время нашей литературной истории — совершенен? Может быть, только придется отметить с некоторыми оговорками А. П. Чехова. А между прочим, кто будет оспаривать, что М. Горький — не только наша, но и мировая гордость? И все «несовершенства» его мы с удовольствием ему прощаем («несовершенства» «в общепринятом смысле слова»). И М. Горький, несмотря на его сетования, был, остается и будет огромным художником, на котором воспиталось целое поколение писателей и будет воспитываться еще несколько поколений. Только одно горько и больно, что он, М. Горький, далеко от нас — там, где гнилая и гнусная эмиграция. Я лично с этим никак не могу примириться. Разве ему было бы хуже у себя дома, где его любят, где его считают родным, где о нем позаботились бы с исключительным вниманием и трогательным участием.

Да. «Режим экономии» в художественном слове должен проводиться обязательно. Надо, хоть тресни. Мы, дорогой Алексей Максимович, строим новую литературу с таким же трудом, как строим социализм. А социализм мы строим. Это — факт. И построим, чёрт возьми! Никакие злопыхательства нам не мешают. И вот ваше руководство в «строительстве» нашей молодой литературы, со своим стилем, со своими темами — дело огромной важности. Ведь новая литература идет от вас и через вас —

это вы достаточно хорошо знаете. Но как тяжело, что недостает непосредственного общения с вами!

Я очень тронут вашим ласковым отношением ко мне. Вы все-таки считаете меня художником, хотя бы и не «в общепринятом смысле слова» (не сердитесь!). Что ж, будем работать и работать, будем учиться и по-сильно стремиться к совершенству: м<ожет> б<ыть>, что-нибудь и выйдет, а не выйдет — значит, была тонка кишка.

Этим летом написал рассказ листов на 6 — «Старая секретная» — политическая тюрьма 20 лет назад. Пойдет с январской книжки «Нового мира». А сейчас сижу за новым романом, который охватывает последние три года. Хочется художественно отразить многие острые и проклятые вопросы современности. Просижу над этой книгой не меньше года ⁵.

Хочется знать, как вы смотрите на нашу жизнь, на все наши переплеты, на наше будущее. Верите ли вы? Вполне ли вы с нами? ⁶ Мысли не допускаю, чтобы вы, друг Владимира Ленина, были против нас, как это стараются доказать некоторые из ретивых, стопроцентных «ультралевых» (а м<ожет> б<ыть>, скрытых «правых»?) ⁷.

Жму вашу руку.

Ну, пришлите же вашу последнюю фотографию, хотя бы и маленькую, без паспарту. Я уж, поверьте, позабочусь о том, чтобы предоставить вашему изображению все удобства. Вы этому, очевидно, не придаете значения, а для <меня> это — дело большой важности. Неужели опять откажете?

С крепкой любовью

Ф. Г л а д к о в

Адрес: Москва, 34, Старокопюшенный, 33, кв. 11, Федору Васильевичу Гладкову.

¹ Речь идет о письме от 30 октября 1926 г. (т. 29, № 836).

² О пользе самокритики для писателя Горький писал Гладкову неоднократно. Так, например, в письме от 3 апреля 1926 г.: «Мне очень радостно знать, что успех не оглушил вас и чувства самокритики — не понизил. Самокритика и есть самая строгая критика, да и самая полезная» (т. 29, с. 460).

³ «„Художественным“ произведением, — писал Горький Гладкову, — принято называть произведение, написанное без лишних слов, без ненужных деталей, экономно и целомудренно» (т. 29, с. 481—482).

⁴ В письме от 30 ноября 1926 г. Горький отвечал: «Формалисты здесь — „не при чем“, они не с этой стороны плохи, и это не их тема, а „правдоподобность“ для художника — дело опасное. Золя, Гонкуры, наш Писемский — правдоподобны, это так, но Дефо — „Робинзон Крузо“ и Сервантес — „Дон-Кихот“ ближе к истине о человеке, чем „натуралисты“, фотографы» (т. 29, с. 484).

⁵ См. письмо 11, прим. 5.

⁶ В ответном письме от 30 ноября 1926 г. Горький писал: «Вы спрашиваете: „вполне ли“ я с вами? Я не могу быть „вполне“ с людьми, которые обращают классовую психику в кастовую, я никогда не буду „вполне“ с людьми, которые говорят: „мы, пролетарии“, с тем же чувством, как, бывало, другие люди говорили: „мы, дворянство“. Я уже не вижу в России „пролетариев“, а вижу — в лице рабочих — настоящих хозяев русской земли и учителей всех других жителей ее. Первое пора уже понять и пора этим гордиться, а второе требует осторожного обращения со всяким человеком, дабы „всякий человек“ не имел права сказать, что рабочий не организатор и руководитель новой жизни, а такой же тиран, как всякий иной диктатор, да и глуп так же. В частности, позиция, занятая рабочим, вовсе не требует, чтобы он воровал, хулиганил, насиловал девиц и бил докторов.

Но я „вполне“ с теми, кто, не взирая на адскую трудность жизни, на свои личные муки, делает великое дело организации России как страны, из которой на всю нашу *человеком созданную* землю должна излиться и уже изливается энергия творчества. Я — с теми, кто уже научился ставить в пять лет времени предприятия, которые при старом режиме не осуществились бы и в 20 лет. С теми, кто чувствует поэзию и понимает значение свободного труда. Когда я получаю „Рабочую“ и „Крестьянскую“ газеты с их бесчисленными и умными приложениями, я — горжусь: нет страны, где такое явление было бы возможно, где умели бы *так* всесторонне заботиться об интересах народа. То, что делается сейчас на Руси, отсюда, издали, виднее, и это изумительная работа. Тяжело, конечно, видеть, как быстро, один за другим, угасают наши лучшие

люди, тяжело терять Красиных. Я его знал 23 года, это большой человек. Но — что же делать? Придут другие такие же, должны прийти.

В Италии я живу потому, что, живя в России, не работал бы, а ездил из города в город, ходил из дома в дом и — разговаривал. И — обязательно, неизбежно, крепко ссорился бы со множеством разных людей, а особенно с литературными критиками, которые по умственной слепоте и духовной малограмотности своей не могут все еще понять, какое удивительное явление современная наша литература и как надобно любить и беречь нашего литератора, молодого человека с опытом полувекового старика.

Вот вам, милый Ф<едор> В<асильевич>, мой ответ на ваше славное, дружеское письмо.

Крепко жму руку» (т. 29, с. 484—485).

Возможно, Гладков имеет в виду некоторых писателей из круга Лефа. См., например, статью Н. Чужака «Новый роман М. Горького», в которой отрицательно оценивается изображение Октябрьской революции в «Деле Артамоновых» и говорится об оторванности Горького от современности («Жизнь искусства», 1926, № 34). 8 ноября 1926 г. на вечере поэтов Лефа Маяковский прочел свое стихотворение «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому», напечатанное позднее в журнале «Новый Леф», 1927, № 1.

14

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34. 25—I—27.

Староконюшенный пер., д. 33, кв. 11.

Дорогой Алексей Максимович!

Писать вам, а тем более получить от вас письмо для меня — большое событие. Вот и сейчас хочется сказать вам что-то важное и хорошее, а изложить в маленьком письме свои мысли не хватает пороку. Каждое ваше письмо — полно большого содержания: это — настоящее художественное произведение, которое волнует и всегда запоминается почти дословно. Из этого, очевидно, следует, что к письмам надо относиться так же вдумчиво и серьезно, как к произведению, которое требует немалого напряжения сил. Уметь написать письмо — значит уметь вообще хорошо писать. А я вот за 25 лет работы этому еще не научился.

Поводом к этому письму послужило следующее обстоятельство. С неделю тому назад какой-то незнакомый голос сообщает по телефону, что для меня у него есть посылка от М. Горького. Какой-то капитан возвратился из Италии и привез ее в Ленинград, а из Ленинграда она направлена мне с этим человеком. Я мог установить только одно, что фамилия этого человека — Корнилов, что адрес мой он знает и сам занесет посылку на следующий день в такое-то время. И вот до сих пор таинственный Корнилов не явился. Этому телефоническому Корнилову я, представьте, сразу поверил, тем более, что я продолжал ждать от вас обещанной фотографии. Потом только взяло сомнение: почему именно вы нашли нужным послать ее с каким-то случайным капитаном, когда легче всего можно было отправить ее по почте? Я волнуюсь еще до сих пор и теряюсь в догадках: а вдруг это — злая шутка кого-нибудь из товарищей-литераторов? — Действительно ли вы вручали какую-то посылку какому-то капитану, или все это — мистификация, которую не отличишь от хулиганства?

Второе обстоятельство — ваше письмо в «Известиях»¹. Спекуляция на вашем имени — явление стихийное. Каждый старается использовать ваше слово в своих личных интересах. И это — не только в печати, но и другими путями. Хотя я и не грешен перед вами этим грехом, но и я виноват немного. Но вина моя облегчается, хотя бы потому, что я никогда и никому (за исключением очень близких людей) не читал ваших писем. Но все же вина есть, и свой проступок перед вами я совершил от чистого сердца. Дело в том, что я дал несколько строк из вашего письма «Учительск<ой> газете», имеющих исключительно общественное значение.

Это — строки из той части письма, где вы говорите о смерти Красина. Я убедительно прошу вас извинить меня, и в дальнейшем не допуская таких ошибок ².

Я несколько раз перечитывал ваше последнее письмо и с большой радостью задержался на следующих строках: «Образ, создаваемый словами художника, правдоподобен тогда, когда он является пред вами почти физически ощутимым и как бы в трех измерениях... А для того, чтобы достичь этой осязательности, надобно писать скупой, густой и смелой» ³. Вот это-то я и хотел выразить вам. Чуть ли не в приблизительных выражениях я и писал вам. Если же я не сумел сформулировать, то простите за косноязычие. И совершенно правильно, что художественное произведение тем выше, чем оно ближе «к истине о человеке». «Натурализм» мне просто противен, — у меня идиосинкразия против фотографичности и бытовизма. Сейчас этот рабковский бытовизм, как плесень, пронизал всю нашу литературу, и борьба с ним очень тяжела. Долгое время наша критика, а до сих пор и руководящие авторитеты настойчиво требовали и требуют от писателей полного погружения в быт. Утилитаризм в искусстве до сих пор еще не изжит, а футуристы (Леф) ⁴ еще оказывают громадное влияние на начинающих и молодых художников. «Гениальный хам и нахал» Маяковский еще победно рычит на всех перекрестках, изображая из себя прословутого «людогуса» ⁵. Лично я не выношу этого грубого утилитаризма во всех его видах и формах, и для меня было совсем неожиданно, что вы первый обидно бросили мне упрек в «агитационности». Я привык любить искусство таким, как его понимали Пушкин, Толстой, Чехов, — я жил до сих пор только таким искусством. А мое, пусть очень несовершенное, произведение, в котором воплощены мои радости и боли, в котором, мне казалось, трепещет настоящий живой мир, — вдруг это мое произведение относится к разряду искусства «агитационного» (= тенденциозного = вульгаризированного). Вы все время в своих письмах избегаете драгоценного слова — «художественное», а настойчиво говорите о «служебном», «педагогическом» значении книги ⁶. Но ведь утилитаризм 60-х гг. эти слова смаковал и против «художественного» в литературе (в понимании Белинского) выступал с дреколиями. Я бы совсем не хотел, чтобы подобные дреколия благосклонно опустились передо мною. А ведь я только хотел одного — быть как можно «ближе к истине о человеке». В этом отношении вы были моим ближайшим учителем вместе с Лермонтовым, Толстым, с тем же Сервантесом и, может быть, Достоевским. Ни Гоголь, ни Писемский никогда не трогали меня. Гюго же побеждал душу, а Гонкуры и Золя (за исключением «Углекопов») не оставили никакого следа, — они были смертельно скучны. Как бы ни было велико «служебное» значение книги, я не могу отнестись к художественным произведениям, если в ней нет горячего трепетания жизни. Вот почему я не мог дочитать до конца вашей «Матери». «Служебное», «педагогическое» значение ее велико, но мне и сейчас она — не по душе: это — не художественное произведение. Простите за откровенность: к слову пришлось. И если «Цемент» именно таков, — я готов, — если мне докажут это, а мне пока не доказали, — я готов отказаться от него, и больше его не издавать.

Я хотел бы быть упрямым в споре относительно того, как я «записывал характеры и образы» ⁷. Мне кажется, вы опять здесь противоречите себе. Я меньше всего старался быть «правдоподобным» в «натуралистическом» смысле слова. Не об этом «правдоподобии» я говорил. В первом своем письме вы называли моих персонажей в «Цементе» романтизированными. И это — совершенно верно. А разве это согласуется с «фотографическим правдоподобием»? Критика тоже находит их «романтизированными», «идеализированными», «фотографически неправдоподобными»,

и за это сильно нападали на автора. А читатель (и некоторые критики) в диспутах находил, что книга похожа на легенду и поэтому от нее (книги) нельзя оторваться. Это меня больше всего радовало. Ведь только легенда ближе к истине о человеке. А «Дон-Кихот», а ваше творчество — разве не легенды? И я вижу, что людям ничего так не дорого в искусстве, как эта самая легенда: только легенда возвышает и потрясает душу, только легенда насыщает ее силой, бодростью и верой в человека.

В ваших словах много горькой правды о мерзостях нашей жизни. Но, дорогой Алексей Максимович, вы слишком стужаете краски и обобщаете факты⁸. Все эти гнусности, как чванство, растраты, пьянство, насилие, избиения врачей, — явления не характерные для всего рабочего класса в целом. Как я ни болезненно переживаю эту дичь, но я вижу в ней только уродливые проявления нашего ветхого еще быта. Раньше, в эпоху «военного коммунизма», можно было оглохнуть и обалдеть от этого — «мы — рабочие», «мы — соль земли», равносильного — «мы — дворяне». Теперь — не то, совсем не то. Если бы вы увидели рабочих на ячейках, на производственных совещаниях, вы поразились бы той спокойной, мудрой деловитости и заботливости, с которой они разрешают хозяйственные дела. Вы удивились бы и растрогались, когда слышали бы их откровенные признания в своей некультурности, в незнании многих простых вещей, их честное возмущение против всяких безобразий. А какое ласковое, любовное отношение к спецам и к ученым! Если бы вы посмотрели на нашу рабочую и крестьянскую молодежь в рабфаках и вузах! Какая безграничная жажда знаний! Я был около 3-х лет заведывающим одним из московских рабфаков, через мои руки прошло более тысячи человек, и я на всю жизнь сохраняю восторженное воспоминание об этой чудесной молодежи, такой самоотверженной и целомудренно преданной науке. Это — они, эти рабочие и молодежь, вместе со спецами (совсем переродившимися), строят в 5 лет и меньше фабрики и заводы и возводят электростанции. Ими и только ими движется жизнь, а не этими чванливыми чиновниками и хулиганскими отбросами, с которыми жестоко расправляется и власть, и общество. Теперь один из основных лозунгов нашей страны такой: «Без культуры нельзя построить социализма — двигайся неустанно к высшим ее ступеням». И когда я слышу таких писателей, которые чванятся своей «культурностью», как Булгаков, Клычков⁹, или бывший большевик Эренбург, мне горько, мне невыносимо от их, извините за выражение, блевотины, которую они изрыгают на наше «бытие», на людей, которые, жертвуя собой, строят новую жизнь на основах высокой культуры и справедливости.

Хотелось бы еще многое сказать вам — хотелось бы поговорить о нашем литературном дне, но не буду утруждать вас: и так уж очень много нагородил.

Ограничусь последним, неприятным для вас, назойливым призывом: а карточку-то свою все-таки вышлите.

С крепкой любовью

Ф. Г л а д к о в

¹ В письме редакции газеты «Известия» («Известия», 1927, № 15, от 19 января) Горький выразил недовольство тем, что некоторые литераторы публиковали его частные письма.

² В «Учительской газете» 11 декабря 1926 г. Гладков опубликовал выдержку из письма Горького к нему от 30 ноября 1926 г. от слов: «я вполне с теми...» до слов: «другие, такие же, должны прийти» (см. письмо 13, прим. 6). По этому поводу Горький писал Вс. Иванову 30 января 1927 г.: «...был рассержен, ибо <...> мне пришлось увидеть в печати мое письмо Гладкову, сократившему критическую часть...» (АГ).

³ Письмо от 30 ноября 1926 г. (т. 29, с. 484).

⁴ Возглавленная Маяковским группа Леф, борясь за агитационно заостренное революционное искусство, в своей литературной программе скатывалась на позиции

ИЛІЯ АРТАМОНОВ

Рисунок (тушь) Н. Н. Куприянова к роману Горького «Дело Артамоновых», 1931 г.

Музей Горького, Москва

упрощенного, прямолинейного утилитаризма. Теоретики Лефа Н. Чужак и О. Брик, выдвигая лозунги «искусства-жизнестроения», «литературы факта», противопоставляли художественному вымыслу в романе, рассказе, поэме и т. п., отражению действительности в поэтически-обобщенных образах — работу писателя в газете: в жанре очерка, фельетона, стихов-агиток и пр. Отсюда, в частности, нападки лефовцев на «Цемент» Гладкова. Так, в статье «За политику» О. Брик писал: «Расхваленный „Цемент“ Гладкова именно тем и плох, что он берет революционную тему в ее старом обличии и поэтому только укрепляет уверенность в невозможности взять революционную тему по-новому. А вот стихи Маяковского, которые печатаются в текущем номере „Известий“ <«Стабилизация быта». — *Ред.*> по поводу очередной бытовой темы, дают ту необходимую ежедневную революционность, которая не может быть утрачена, не должна быть утрачена ни на одну секунду» («Новый Леф», 1927, № 1, стр. 22—23). В том же номере «Нового Лефа» было опубликовано и стихотворное послание Маяковского Горькому с ироническими строками о «Цементе»:

Продают «Цемент»
со всех лотков.

Вы
такую книгу, что ли, цените?

Нет нигде цемента,
а Гладков

написал
благодарственный молебен о цементе.

(См. также статью Маяковского «Подождем обвинять поэтов» — «Красная новь», 1926, № 4).

⁵ Образ из поэмы Маяковского «V Интернационал».

⁶ См. письмо 10, прим. 1.

⁷ 30 ноября 1926 г. Горький писал Гладкову: «Вы „записываете“ образ или характер лишними словами, как живописцы „записывают“ портреты или пейзажи, достигая фотографического сходства, но лишая изображаемое „духа“» (т. 29, с. 483).

⁸ См. письмо 13, прим. 6.

⁹ Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940). Опубликованная им в 1925 г. книга рассказов «Дьяволиада» — попытка сатирически изобразить новую, советскую действительность. О С. Клычкове см. письмо 12, прим. 1.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Старокожуховский пер., д. 33, кв. 11.
10—III—27

Дорогой Алексей Максимович!

На мое последнее письмо вы не ответили, и меня назойливо мучает мысль: уж не обиделись ли вы, не рассердились ли на меня? Если это — так, то это — ужасно. У меня и в думках никогда не было, чтобы принести вам хотя бы маленькое огорчение: уж слишком я вас люблю, слишком вы для меня много значите, слишком уж я сроднился с вами с юных лет. Не надо сердиться. Черкните, пожалуйста, хоть несколько строк, чтобы успокоить меня.

Известно ли вам, что Воронского снимают с «Красн(ой) нови»?¹ Снимают и Полонского с «Нов(ого) мира»². В редколлегия «Кр(асной) н(ови)» назначают Керженцева, Ермилова (из «Мол(одой) гв(ардии)») — очень юного парня, и Гусева из отд(ела) печати³. Вопрос этот решен, кажется, окончательно. Сегодня я говорил об этом с Полонским — он очень подавлен. А Воронский настроен язвительно и держится мудрецом, точно читает Лукреция. Юбилей ему не прошел даром⁴. Некоторая часть публики на юбилей демонстративно отсутствовала. Так как я сидел в президиуме, то на меня стараются нагнать всяких страхов. Мне же на сие наплевать с высокой горы. У Воронского есть ошибки и грехи, но несравненно больше заслуг перед русской литературой, а беспардонные «напостовцы» во имя пресловутой «гегемонии» идут на всякие мерзости, вплоть до клеветы. Боюсь, что из этого ничего не будет хорошего. И все это делается вовсе не из любви к литературе, а из чистого политиканства и карьеризма. Опираясь на «6000 организованных пролетписателей», они козыряют Серафимовичем (этот добрый старичок заигрывает с ними), Гладковым, который публично и по партлинии отгораживается от них, Горьким, «Дело Артамоновых» которого считают своим достижением и... Фатовым!.. Картина, достойная кисти Айвазовского! Как видите, имеют успех. Вообще, черт знает, что делается.

А среди этой напряженной борьбы и внутренних сдвигов кричат и ломаются клоуны — футуристы (Леф, Новый леф!), которые дошли уже до полного отрицания художественной литературы, но добиваются тоже безоговорочной «гегемонии»⁵.

Страшного во всем этом, конечно, ничего нет, но ералашь идет большая. И я думаю, что если бы вы были здесь, ваше авторитетное имя и могучее слово имело бы огромную организующую силу. Недаром все чаще и чаще говорят о вас на диспутах, на литературных собраниях, на массовых рабочих читательских вечерах. Какой урон для нашей литературы от того, что вы где-то за тридевять земель, что вы страшно оторваны от нашей жизни и вместо вас, живого, сильного и до зарезу нужного, вспыхивает только недостижимый призрак.

Читали ли вы мою «Старую секретную»? Окончание будет в 3-й кн(иге) «Нов(ого) мира»⁶. Хотелось немного коснуться прошлого. Особого значения я ей не придаю. Работаю я сейчас изо всех сил над большой книгой о современности⁷. Тема та же, что и в «Цементе» — труд, но больше «проклятых вопросов». Хочется написать настоящую легенду или поэму, где бы характеры были густо обобщены и трепетали бы, как совершенно живые. В Москве работать не могу: думаю ранней весной (приблизительно во 2-й пол(овине) апреля) уехать на юг, в дебри, и вчасос поработать до середины осени. Только вот всякие болезни мешают, а в особенности — нервная неурядица.

«Цемент» выходит уже 70-й тысячей.

Вы мне ничего не сказали об «Огненном коне»⁸. Он мне почему-то дорог: вероятно, потому, что это тоже — «легенда». Ведь гражданская война еще никак не изображалась «через нутро». Без сомнения, что вы найдете диалоги тоже «коровыми», но «чорноморцив» без такого диалога изображать я не мог. Стилизация была вполне законна. Это — не повесть, а что-то вроде баллады. Написана она в 1922 году.

В заключение — горячая просьба. Если вы безнадежно замолчали насчет своей фотографии, то не откажите прислать хотя бы «Дело Артамоновых» с автографом. Неужели нельзя и на это рассчитывать?

С крепкой любовью

Фед. Г л а д к о в

Р. С. Думаете ли вы все-таки приехать и когда? Об этом меня спрашивают на каждом массовом рабочем собрании⁹.

¹ В связи с ошибками Воронского (см. письмо 8, прим. 8) встал вопрос об освобождении его от работы редактора в журнале «Красная новь». В августе Воронский писал Горькому: «В „Нови“ я числюсь, но давно уже фактически не работаю» (АГ). В декабре 1927 г. Воронский был снят с работы редактора; в редколлегия журнала был введен Вс. Иванов.

² Вячеслав Павлович Полонский (1886—1932) — литературный критик и публицист. Редактировал журналы «Красная нива», «Печать и революция», «Новый мир» (1925—1931, с перерывом в апреле—августе 1928 г.). Литературная позиция Полонского была во многом близка позиции Воронского.

³ Платон Михайлович Керженцев (псевдоним Лебедева, 1881—1940) — видный деятель советской культуры. В 1925—1926 гг. был полпредом СССР в Италии. Переписывался с Горьким. Работал редактором «Известий», редактором и членом редколлегии ряда журналов: «Пролетарская культура», «Печать и революция» и др.

Владимир Владимирович Ермилов (р. 1903) — критик и литературовед, был редактором журнала «Молодая гвардия» (1926—1929). С 1928 г. — член редколлегии журнала «На литературном посту» и один из секретарей РАПП. С 1932 по 1938 г. — главный редактор журнала «Красная новь».

Сергей Иванович Гусев (псевдоним Якова Давыдовича Дробкина, 1874—1933) — старый большевик, публицист, с 1926 г. (с № 4) редактировал журнал «Молодая гвардия» (до 1928 г., № 9). С 1927 г. заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б).

Керженцев, Гусев и Ермилов в редколлегия «Красной нови» введены не были.

⁴ 21 февраля 1927 г. в Москве, в Доме Герцена отмечался пятилетний юбилей журнала «Красная новь». Впоследствии организаторов этого торжества упрекали в том, что юбилей превратился в демонстрацию сочувствия взглядам А. Воронского. В адресе Воронскому, составленном комитетом по организации пятилетнего юбилей журнала «Красная новь», говорилось: «...несмотря на то, что некоторыми литературными организациями поднят вопрос об устранении вас от редактирования созданного вами журнала, — мы верим, что этого не будет» (цит. по приложению к письму Ив. Евдокимова Горькому от 1 января 1927 г., АГ).

⁵ См. письмо 14, прим. 4.

⁶ См. письмо 11, прим. 5.

⁷ См. там же.

⁸ См. письмо 9, прим. 2.

⁹ Горький приехал в Москву из Италии 28 мая 1928 г.

Несколько удивлен я ироническим тоном вашим по адресу А. К. Воронского, человека талантливого и сумевшего создать хороший литературный журнал, несмотря на тяжелые условия работы.

Мне жаль, что Воронский уходит из «Кр(асной) нови», очень жаль. И странно, чем и кому он не понравился? За пять лет работы он не сделал

таких ошибок, как редакторы «Нового мира», поместившие странный рассказ Пильняка и еще более странную — повесть? — Никандрова «Знакомые и незнакомые»¹.

Фатов — комическая фигура и плохо знает историю русской литературы. Пишет — тоже плохо.

«Секретную» — не читал еще, жду конца, не люблю читать отрывками².

Русского экземпляра «Артамоновых» у меня сейчас нет, выпишу из Берлина и пришлю. А фотографии мои, почему-то, плохо доходят до адресатов, послал четверым, получил же только один.

Жму руку.

А. Пешков

21.III.27 г.

¹ Речь идет о рассказах Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны» (см. письмо 11, прим. 1) и Н. Никандрова «Знакомые и незнакомые» («Новый мир», 1927, № 2). Одновременно (21 марта) Горький писал П. М. Керженцеву: «„Новый мир“ напечатал повесть Никандрова — странная „повесть“. Что-то вроде юмористики П. Романова, но — грубее. Очень странно» (АГ).

² См. письмо 11, прим. 5.

17

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

7. IV. 1927

Москва 34, Старокожухинский пер.,
д. 33, кв. 11.

Дорогой Алексей Максимович!

Я очень смущен первой строкой вашего письма: «несколько удивлен я ироническим тоном вашим по адресу А. К. Воронского». Это — странное недоразумение: никакого иронического тона по отношению к Воронскому у меня нет, не было и быть не может. Я Воронского очень люблю и ставлю чрезвычайно высоко. Наоборот, в своем письме я выразил крайнее сожаление по поводу его отстранения. Я с удовольствием подписывал ему адрес (первым) и был в президиуме на его юбилее. Ваш упрек несправедлив, дорогой Алексей Максимович. Редакции моего письма я точно не помню, но очень хорошо знаю, что никакой иронии в нем не было.

Во всяком случае я глубоко тронут тем, что вы ответили на мое письмо. Хотя от его официально-холодного тона мне было слишком больно, но уж одно то, что это письмо лежит передо мною, и я с любовью смотрю на горьковский почерк — это доставляет мне большую радость.

Письмо ваше застало меня за чтением (который раз!) «Фомы Гордеева». Удивительно, что эта книга волнует меня так же, как и 25 лет назад. Родной мой Алексей Максимович! если бы вы знали, как я вас беспрдельно люблю. Я счастлив, что живу в одну с вами эпоху. Не сердитесь за эти чувствительные строки: ведь никто, решительно никто, кроме вас, не сросся так с моей душой. С самых зеленых дней моей юности каждый час вы стояли передо мною и звали за собой. Мне очень нелегко жилось: м<ожет> б<ыть>, я погиб бы, если бы не ваше волшебное имя, не ваше изумительное творчество. Я не стыжусь сказать вам это, и мне до боли хочется, чтобы вы хоть немножко почувствовали меня и не относились ко мне сурово, холодно и отчужденно: я слишком от этого страдаю. Если по неосторожности в выражениях я и мог допустить что-нибудь обидное или не совсем деликатное в своих письмах, — право же, это могло произойти без всякой преднамеренности. Если что и заметили — простите

великодушно. Если же я несколько критически отнесся к некоторым вашим положениям и, кажется, к «Матери» — так разве на это можно обижаться? Ведь я живу литературой, я — весь в ней без остатка, и каждая мысль, каждое слово о литературе мне дорого и любопытно.

Вопрос о снятии Воронского опять отложен. Вернее, он остался открытым. Чем кончится все это — неизвестно. На этих днях созывается какое-то совещание в ЦК¹. Кому не понравился Воронский? ВАППу, конечно, в первую очередь. Эти интриганы и чиновники новой формации добиваются полного уничтожения Воронского как оплота «мещанской» литературы и борются за верховное руководство всей советской литературой, чтобы стать единственным ее гегемоном. А отд^{ел} печати опирается на них. А там есть такие сильные люди, как Нарбут². Потом — Воронский-оппозиционер³. Литературные нравы — мерзкие. Вот вам — пример: на страницах журн^{ала} «На лит^{ературном} посту» Воронский с «перевальцами» клеймится, как «люди, лезущие в литературу с чубаровскими нравами» (ох, как грамотно!)⁴. Совместные заседания делегатов Федерации писателей⁵ происходят в атмосфере непримиримой вражды — грызня, скандалы, ералаш. Пьянство, богемство, подчас хулиганство (благо есть кабак в подвале Дома Герцена) — обычное времяпрепровождение литераторов. Писатель — чудовищно некультурен. Не только нет систематической работы над собой, но почти никто не читает, и о самых простых вещах большинство имеет самое смутное понятие. Одному писателю я порекомендовал прочесть последнюю книжку акад^{емика} Павлова об опытах над человеком. В ответ я услышал следующее:

— Что я буду время терять. Я достаточно взрослый человек и имею свои мозги, чтобы набираться чужих мыслей.

А другой, очень известный вам писатель сказал:

— И зачем ты голову себе набиваешь этими книжками? Знаешь, добром ты не кончишь: высушишь мозги и убьешь в себе всякую способность к творчеству. Писатель должен быть, как ребенок: он должен быть свободен от всякой книжной скверны, чтобы писать не рассудочно, а первобытным нутром.

И вот что печально. Наш писатель не только не знает и не чувствует своей эпохи, но мало знает и историю родной литературы, не говоря уже о том, что он совсем не ощущает дыхания будущего. Вот почему нет сейчас ничего крупного, значительного в литературе, вот почему никто не способен взволновать общество своими образами. Беспредметность, или рабковский репортаж, или жалкое эпитонство. А без знания эпохи, без мудрого взора в будущее, без диалектического понимания жизни, без чуткого, вдумчивого отношения к сложным конфликтам человеческого сознания — немислим ни рост, ни расцветание нашей литературы. Мало иметь жизненный опыт — надо этот опыт организовать (удачное богдановское выражение, хотя я не эмпириомонист)⁶. Надо уметь «ударить в точку», а эту «точку» надо знать и знать, как по ней ударить. Эпоха 900-х годов выдвинула своего мятежника — Горького. Наша эпоха должна создать созвучного ей художника, насыщенного дерзновенной смелостью и силой. А такие произведения, как, напр^{имер}», «Вор» Леонова⁷, я считаю никчемными и по замыслу и по выполнению. Тут ничего нет, кроме шпаргалки — «Фрейшиц, разыгранный руками юных учениц»⁸... И кому нужны эти люди, уже умершие для нашей жизни, какие откровения они несут? В свое время маленький подпольный человек — разночинец — был вполне законным и нужным героем, потому что он входил в общественную борьбу как революционная сила. А теперь все эти обломки крушения — только сор и щебень на пути революционного созидания.

А. Н. Тихонов говорил мне, что вы пишете очень большую книгу⁹. О чем? Здесь много об этом толкуют, но никто ничего не знает. Тихонов говорил также о том, что вы намерены через год приехать в Россию. Все ожидают вашего приезда как события огромной важности. В связи с этим кто-то сказал: «Ленин — в политике, Горький — в литературе. Мы нуждаемся в окрике. Только Горький властен это сделать». Нужен окрик или нет — я не знаю. Но ваше присутствие нужно, и голос ваш необходим — это несомненно. И совсем не нужно вам ходить из дома в дом и ездить из города в город и — говорить, ругаться с критиками¹⁰. Их — нет, а есть только малограмотные рецензенты, с которыми никто не считается. Народился новый массовый читатель — рабочая и крестьянская интеллигенция, которая начинает жить литературой. Послушать ее, эту интеллигенцию, — это очень интересно, очень любопытно, очень поучительно. Невиданная раньше вещь: на фабриках, заводах рабочие, работницы, молодежь от станков огромными толпами ломятся в клубы на литературные вечера и наперебой торопятся высказаться по многим вопросам литературного дня. И это не только в Москве, но по самым глухим углам.

В начале мая уезжаю на юг, вплоть до осени. В Москве не могу работать: все время дергают — то заседания, то доклады, то рукописи, то всякого рода выступления. Теперь я нигде не служу, и это для меня очень важно.

Может быть, вы ответите мне до мая? С волнением жду от вас «Дело Артамоновых». На днях видел ваш снимок¹¹ в одном из театральных журналов. Очень вы изменились с тех пор, как я вас видел в 1917 году¹².

С глубокой любовью жму вашу руку.

Ф. Г л а д к о в

¹ Имеется в виду совещание Отдела печати ЦК ВКП(б) по вопросу о журнале «Красная новь», состоявшееся 18 апреля 1927 г. Воронский делал на этом совещании доклад о работе журнала за последние полтора года. В содокладе С. И. Гусева и в выступлениях представителей ВАПП — Л. Л. Авербаха, А. И. Зонина и других линия «Красной нови» и работа Воронского подверглись резкой критике. На совещании ставился вопрос о снятии Воронского с поста редактора (см. письмо 15, прим. 1).

² Владимир Иванович Нарбут (1888—1946) — поэт, в двадцатые годы руководил издательством «ЗиФ», работал в Отделе печати ЦК, был членом редакции журнала «30 дней» (1926—1928). На совещании Отдела печати ЦК ВКП(б) по вопросу о журнале «Красная новь» было оглашено заявление Нарбута в ЦК ВКП(б) с обвинением Воронского в недопустимых формах полемики.

³ Воронский примыкал к троцкистской оппозиции 1925—1927 гг., от которой впоследствии отошел. В 1928 г. был исключен из партии. В 1931 г. Воронский был восстановлен в партии.

⁴ Речь идет о членах литературного содружества «Перевал» (1924—1932), организованного Воронским при журнале «Красная новь». В «Перевал» входили писатели А. Малышкин, М. Пришвин, И. Касаткин, П. Павленко, И. Катаев и другие, печатались в «Красной нови», в «Новом мире», издавали сборники «Перевал», «Ровесники».

Взгляды теоретиков «Перевала» — А. Воронского, Д. Горбова, А. Лежнева (неверие в возможность создания пролетарской культуры, подчеркивание решающей роли интуиции и подсознания в художественном творчестве) подвергались ожесточенной критике на страницах органов РАПП. Слова, цитируемые Гладковым, взяты из рецензии А. Зонина на V сборник «Перевал» («На литературном посту», 1927, № 3).

В декабре 1926 г. происходил нашумевший судебный процесс над группой преступников, изнасиловавших женщину в переулке Чубарова в Ленинграде. Преступление вызвало широкую волну протеста трудящихся всей страны. Отсюда и пошло выражение «чубаровщина», «чубаровские нравы» как синоним бандитизма и насилия.

⁵ Речь идет о Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданной в январе 1927 г. В Федерацию первоначально вступили три писательских организации: ВАПП, Всероссийский союз писателей и Всероссийское общество крестьянских писателей.

⁶ Согласно философии эмпириомонизма, созданной А. Богдановым, внешний мир рассматривался как социально организованный опыт «коллективного человечества». Философские взгляды Богданова были подвергнуты критике Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В первые годы Советской власти Богданов был одним из руководителей и идеологов Пролеткульта. Взгляды Богданова оказали влияние на позицию преемственно связанной с Пролеткультом «Кузницы».

⁷ Роман Л. Леонова «Вор», печатался в «Красной нови» 1927, №№ 1—7.

⁸ Неточная цитата из «Евгения Онегина»: «...разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц» (гл. III, XXXI).

⁹ Александр Николаевич Тихонов (Н. Серебров, 1880—1956) — писатель, помощник Горького по издательским делам. В письмах Тихонову (1926—1927) Горький не раз сообщал о своей работе над романом «Жизнь Клима Самгина». См. письма Горького к А. Н. Тихонову (1904—1936). — «Горьковские чтения. 1953—1957». М., Изд-во АН СССР, 1959.

¹⁰ См. письмо Горького Гладкову от 30 ноября 1926 г. (т. 29, № 837).

¹¹ Возможно, Гладков пишет о снимке, помещенном в еженедельнике «Рабис», орган ЦК Всерабиса, М., 1927, № 12(54), от 5 апреля, стр. 7. Снимок был сопровожден следующей надписью: «Максим Горький. С последнего снимка, сделанного в Сорренто (Италия)».

¹² О свидании Гладкова с Горьким в 1917 г. см. письмо 23, прим. 2.

18

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Сорренто. 17 апреля 1927 г.⟩

Заподозрить вас в проницательном отношении к Воронскому заставила меня фраза ваша «читает Лукреция» и т. д. Рад, что ошибся. Вы, в свою очередь, ошибаетесь, полагая, что меня могло задеть ваше критическое — совершенно справедливое — отношение к моей «Матери». Никогда и ничья критика меня не «обижала», могу прибавить: и ничему хорошему не научила. А «Мать» — книга действительно плохая, написана «в состоянии запальчивости и раздражения», с намерениями агитационными, после 906 года. Полагаю, что своей цели она — в некоторой степени — все-таки достигла, что, однако, не делает ее лучше, чем она есть.

Все, что вы пишете о литераторах, — очень печально. Но люди этого дела, кажется, всегда были непомерно самолюбивы, завистливы и очень

НИЛОВНА РАЗБРАСЫВАЕТ ПРО-
КЛАМАЦИИ С РЕЧЬЮ ПАВЛА

Гравюра Н. В. Алексеева к повести
Горького «Мать», 1933 г.

мало заботились о том, чтоб стать несколько грамотнее и в прямом смысле этого понятия, и — морально. Я знал не одного, чья талантливость наполовину сократилась «некультурностью», самомнением и прочими зло-вредностями.

Но по отношению к человеку я — оптимист и очень верю, что поколение, идущее на смену моему, «выравниется» и воспитает себя шире, глубже — лучше нас. За это говорит эпоха, насыщенная трагическими вопросами и задачами, поставленными к разрешению с резкостью, с настойчивостью никогда еще не бывалой. У нас любили цитировать Тютчева: «Блажен, кто появился в мир, В его минуты роковые» — в качестве зрителя¹. Ныне эпоха внушает: будьте деятелем! И — будут. Не отвернутся. Никак не отвернутся. Это и воспитает каких-то новых людей, не похожих на нас.

Посылаю «Дело Артамоновых» — и карточку мою внутри книги — с обратной распиской.

Всего доброго!

А. Пешков

17.IV — 27.

S<orrento>.

¹ Неточная цитата из стихотворения Тютчева «Цицерон»: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые». В первой редакции Тютчева — «Блажен, кто посетил сей мир...».

19

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34, Старокопюшенный, д. 33, кв. 11.
(Начало мая, 1927 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Взволнованный вашим сообщением, что вы посылаете мне «Дело Артамоновых» и карточку, я каждый день ждал посылки с большим нетерпением. Прошло уже больше десяти дней после получения вашего письма, но, к великому моему огорчению, посылки все-таки нет. Я не допускаю мысли, чтобы она пропала по дороге, тем более, что она, как вы говорите, должна быть с обратной распиской. Мне неоднократно приходилось самому посылать и получать книги из-за границы, и не было ни одного случая, чтобы посылки пропадали. Очевидно, очень занятый работой, вы просто забыли послать обещанное. Несмотря на это, я все же не теряю веры в получение от вас и книги, и карточки.

В от<деле> печати было заседание, посвященное докладу Воронского о «Кр<асной> нови»¹. Впечатление у меня об этом заседании осталось тягостное. Вопрос был поставлен ребром о судьбе Воронского. Старались всеми средствами свалить его окончательно. Думаю, что едва ли это удастся: В<оронский> держал себя, хотя и недостаточно ловко, но довольно твердо. Во всяком случае вопрос о нем остается пока открытым.

Между прочим, в своем докладе В<оронский> выдвинул положение, что сейчас в литературе «актуальной» темой является проблема «лишнего человека в революции». По его мнению, Леонов (в «Всере») и Катаев (в «Растратчиках») эту проблему поставили очень остро. На этот счет можно было бы здорово поспорить, но я думаю, что понятие «лишнего человека» нуждается в уточнении. Когда-то классики изображали «лишнего человека» с большой внутренней «силовой установкой», как «слишком раннюю предтечу слишком медленной весны»². Этот «лишний» был в трагическом противоречии с окружающей их косной и подлой действительностью, и его силы и возможности не находили себе приложения в условиях сплошной «бедности, бедности и несовершенства жизни»³. Но все же

это была революционная бацилла, которая разлагала и отравляла организм тогдашнего общества, задавленного бездушной системой казарменного деспотизма. Я говорю о разночинцах. Смешно мертвецов Леонова (впрочем, ведь это даже не герои нашего времени), а транспонированные им истлевшие образы из литературы классиков) считать «лишними людьми» нашей революции в том понимании, которое установилось в истории нашей общественной мысли. «Мертвый мирно в гробе спи»⁴, а в наше время нелепо «тленный прах» выдавать за «силовые линии» нашей общности. А «лишние люди» есть, и о них писать надо. Взять хотя бы старых революционеров (прежде всего старых большевиков)⁵, из которых очень многие не приспособились к нашей действительности и переживают большую трагедию.

В конце этого месяца, а м(ожет) б(ыть), в начале июня еду на Днепро-строй. Интересно то, что целый прибрежный район Днепра будет в свое время затоплен, и многие деревни должны переселиться в другие места. Победно и беспощадно движется на старую деревню индустрия, и могилы предков исчезнут под водой. Древние домовые, д(олжно) б(ыть), уже в ужасе стонут. Это — тема для очередной книги, которую я начал писать⁶. Работа очень ответственная, сложная, чрезвычайно трудная, но захватила меня до самых корней.

Итак, жду с нетерпением книгу и карточку. Не забудьте же, пожалуйста.

Очень я обрадовался, что вы не сердитесь на меня. Ваше письмо бесконечно для меня дорого своей теплотой⁷. Мне жутко от всяких официальных писем.

С глубокой любовью

Ф. Г л а д к о в

Мое имя — не Ф. А., а Ф. В. (Федор Васильевич).

Датируется по предыдущему письму Горького.

¹ См. письмо 17, прим. 1.

² Строка из стихотворения Д. Мережковского «Дети ночи»: «слишком ранние предтечи слишком медленной весны...»

³ См. письмо 11, прим. 3.

⁴ Неточная цитата из баллады Ф. Шиллера «Торжество победителей», в переводе В. Жуковского: «Спящий в гробе, мирно спи; жизнью пользуйся, живущий».

⁵ Слова: «„лишние люди“ есть... Взять хотя бы старых революционеров (прежде всего старых большевиков)...» подчеркнуты Горьким.

⁶ «Летом 1927 г. поехал на Днепро-строй, где жил наездами до пуска электростанции в 1932 г. В „Известиях“ печатал очерки о ходе стройки, а в 1933 г. выпустил 1 т. „Энергии“, через шесть лет — второй» («Автобиография», т. I, стр. 14).

⁷ См. письмо 18.

Дорогой Алексей Максимович!

Только что прочел вашего «Самгина»¹, и в душе у меня — угарная муть — точно переживаешь тяжелый кошмар. Трудно жить с вами в одно время. Огромной глыбой распластались вы над всей литературой наших дней. Вспоминая о Толстом, вы называете его Васькой Буслаевым². Когда я думаю о вас, мне кажется, что вы похожи на ту исполинскую голову из «Руслана», которая загромаждала все поле (усеянное мертвыми костями!). Голова у вас гипертрофически, безжалостно велика. Очень вы много говорили и говорите о человеке, о любви к нему. А мне

кажется, что вы не любите людей, презираете их и глумитесь над ними. И все, что вы пишете о людях, — все это от ума, и ум у вас какой-то диогеновский, а м<ожет> б<ыть>, и аввакумовский — горький и жуткий ум. С такой головой люди могут быть только глубоко несчастными. Ядовитый червяк в мозгу, свойственный русскому мыслящему человеку, превращается у вас в змею.

«Делаем мы хорошо, а думаем скверно». А с IV т. по 20-й³ вы только и убеждаете, что не только мы думаем скверно, но и делаем всё глупо, впустую, никудышно (т<о> е<сть> ничего не делаем). И характерно, что все эти «жизни» ваших людей, лишённые динамики, — тяжёлые, унылые жизни — без событий, без борьбы — сплошная тоска и «неделание». Сукровицей текут эти «жизни», начиная, пожалуй, с «Фомы Гордеева» (в первых 3-х тт. люди у вас и делали неплохо, и думали блестяще и смело). Да, я сам тяжело переживал те годы, и на мне лежало проклятие эпохи — разъедающая рефлексия. Но вместе с этим я жил (а вы — тем более) с людьми большой бодрой силы, с душой, горящей великой волей к мятежу. И мне кажется, что характерной «жилой» для 90—900 гг. является не эта «самгинская» гамлетовщина («был мальчик или не был?») и отвлечённая, беспочвенная «кутузовщина», а все-таки та упрямая, живучая, мятежная сила, которая изображена у вас в «Матери». Ведь всякая эпоха определяется не «самгинщиной», не «раками, которые расползаются в разные стороны»⁴, не ржавчиной и шлаком, а тем живоносным источником, который бьёт под мусором отбросов и лишнего материала. Не «кутузовщиной», а, напр<имер>, «ленинщиной» (ведь Ленины, Красины, Дзержинские и т. д. тоже росли в те времена)⁵. Однажды, при разговоре о вас, я с волнением выслушал следующее: кажется в редакции «Жизни»⁶ вы сидели среди сотрудников этого журнала. Разговор шел обычный — «все истекали словами». Вдруг вы встали, молча ушли в другую комнату, а через некоторое время явились с бумажкой в руках и прочли свой «Буревестник». «Это был удар грома», «все были потрясены», «что-то могучее, ослепительное брызнуло на всех», «все почувствовали необычайный прилив сил»⁷... Верю. Сам пережил нечто подобное. Мы, идущие в массы и работавшие над собой, воспитывались на вас. Те времена были связаны с вашим именем. Не только интеллигенция, но и широчайшие массы жили вашими образами. Это было неудержимое стремление живых сил к действию, к борьбе, к подвигу, к героизму. Думали и тогда неплохо, а делали хоть немножко неуклюже, но делали упорно, бодро, уверенно, с жаром — делали дело жизни. Страдания «Трёх сестер» и «Самгиных» нас не трогали: мы жили страданиями Данко. Недаром эти буйные образы созданы вами в те времена. Вы горели огнем своей эпохи.

Вот и теперь эпоха наша требует художественного раскрытия ее живоносного источника. Много и теперь Самгиных и Кутузовых, много мерзости, накипи, ржавого материала, и теперь червяк точит и отравляет мозги. Но не это важно, а важно найти живой нерв настоящего. Труд, строительство, борьба за социализм, творческое напряжение рабочего класса. Разве это не великолепная поэма, которая рвется к художественному воплощению? И я мучительно думаю: вот в воспоминаниях своих и статьях вы упорно, настойчиво пишете об этом «герое-человеке», а в художественной летописи своей все пропихиваете «самгинской сукровицей»: там — Дон-Кихоты, здесь — Гамлеты, там — поэма, здесь — трагедия. Почему это? А ведь вы могли бы создать эту поэму изумительно — именно вы, — Горький. (Кстати, почему в вашем Собрании нет статьи о Ленине, которая в свое время была напечатана в «Ком<мунистическом> Интернационале»? Подлинная поэма!)⁸.

Вы простите меня за эти сумбурные мысли — от души все это.

Все лето разъезжал я по Руси. Жил на Днепрострое, на Волховстрое.

Строим мы, Алексей Максимович, и недурно строим. И мыслим неплохо. Какой размах и какая трудовая бодрость! Не тот уже это рабочий, который тер лямку в минувшие годы. И баба не та, и мужик не тот, и интеллигенция не та. Чего стоят, например, эти партийные и делегатские собрания! С каким строгим вниманием и глубоким сознанием *общего* дела обсуждаются все вопросы, связанные со строительством! Какое любовное отношение к труду! Правда, есть еще и «бузотерство», и «хулиганство», и мужичья «волынка», но все это в сравнении с тем одушевлением, которое охватило всех, так ничтожно и жалко, что не хочется обращать внимания. Много и ералаша и нелепостей (особенно в начале работ), но нужно видеть и чувствовать, как дружно борется с этим вся сознательная масса самих рабочих. И система труда новая, и новые отношения между рабочими и техническим персоналом. Искключительная забота о быте рабочего. Никогда я раньше не видел таких бараков и общежитий, как сейчас. Чистота, отдельные койки, белье, мыло, полотенца, газеты, парикмахерские, чудесные дешевые столовые. Есть и курьезы на этой почве. Я был свидетелем такой сцены: приходят в рабочком несколько рабочих крестьянского облика. Возмущаются.

— Что же это, т. рабочком, за порядки? Житья ведь нет. И на пол плюнуть нельзя — норови в ящик, и по каждому пустяку — мыло, и с ногами на койку не моги... На двор пошел — мыло, на обед — мыло с обеда — мыло... Бабы понагнали — орут. Ведь сдохнуть же можно. Мы к этому — непривычны — не водится это у нас. Мы не согласны. На что же вы здесь поставлены? Сидите, а на нас — ноль внимания...

Председатель рабочкома усмехается.

— Ну, товарищи, придется к этому привыкать. Трудно это, но ничего не сделаешь. Нужно эту вашу неряшливость и свинское отношение к себе вытравить с корнем. Пора уже жить культурной жизнью, надо воспитывать в себе уважение к своей личности. Надо жить чисто и благородно. Как же мы будем строить социализм, ежели в нас нет культуры и человеческого достоинства? Бабы молодцы, что жучат вас, — сознательные бабы, и вам стыдно так унижать себя.

Стали было спорить, но скоро ушли, сконфуженные.

Очень хочется писать об этой нашей живоносной силе. Делаю попытки — не знаю, что выйдет. А работой захвачен. Жаль, что все болею.

В заключение — просьба к вам. Я имею отношение к «Лит<ературно>худ<ожественным> сборникам» «ЗиФа». Сборники — вне групп. Не можете ли вы прислать что-нибудь для ближайших книжек? Первая (в печати) выйдет в сентябре, вторая — в ноябре и т. д. М<ожет> б<ыть>, дали бы вы хоть главу из 2-й ч<асти> «Самгина» или еще что-нибудь. Не откажите, если есть возможность. Сборники не имеют ничего общего с редакцией изд<ательств>а ЗиФ, а тем более — с напостовцами⁹.

«Дело Артамоновых» получил — горячее вам спасибо.

Как ваше здоровье? Я слышал, что вы чувствовали себя неважно. Пожалуйста, берегите себя.

С крепкой любовью жму вашу руку.

Ф. Г л а д к о в

¹ В 1927 г. была опубликована 1-я часть романа Горького «Жизнь Клима Самгина». Берлин, «Книга». В том же году 1-я часть (в отрывках) печаталась в журналах «Красная новь» (№№ 5—7), «Огонек» (№№ 26—31), в альманахе «Круг» (кн. 6) и в газетах «Известия» и «Правда».

² См. очерк Горького «Лев Толстой» (т. 14, с. 266, 279, 290).

³ Гладков имеет в виду Собр. соч. Горького (Берлин, «Книга», 1923—1928), т. IV. «Фома Гордеев», 1923, т. XX. «Жизнь Клима Самгина», ч. 1, 1927.

⁴ Один из символических лейтмотивов в «Жизни Клима Самгина» (см. т. 19, с. 470, 505).

⁵ В беседах с Б. Брайниной, уже в последние годы жизни, Гладков утверждал, что именно с появления «Самгина» начался его «внутренний спор» с Горьким: «Я сам

жил в эту эпоху, помню проклятие разъедающей души рефлексии. Но 90—900-е годы определились отнюдь не самгиновской гамлетовщиной („был мальчик или не был?“) и не беспочвенно отвлеченными разговорами революционно настроенной интеллигенции, а животворным источником народных сил, близящихся, творящих революцию. Ведь Горький лучше, чем кто-либо другой из писателей, знал это, знал, что определяет всякую эпоху. Мне казалось, что Горький недостаточно ярко показал в своем романе пролетарских революционеров как активную, деятельную силу. В свое время я все это вот так напрямик, в еще более сильных выражениях, изложил в письме к самому Горькому» (Б. Брайнин. Встречи с Ф. Гладковым.— «Вопросы литературы», 1960, № 8, стр. 172).

⁶ Журнал «Жизнь» издавался в Петербурге с 1897 по 1901 г. Горький участвовал в литературно-художественном отделе журнала.

⁷ Об этом случае рассказано в воспоминаниях А. И. Свирского «Встречи», опубликованных в «Красной нови», 1928, № 3.

Горький откликнулся на воспоминания Свирского письмом в «Известия», в котором, в частности, сообщал: «„Буревестник“ написан мною в Нижнем и был послан в „Жизнь“ почтой. Чтения мною „Буревестника“ Свирский не слышал...» («Известия», 1928, № 84, от 8 апреля).

В «Известиях» того же года от 3 июля (№ 152) по просьбе Горького был помещен ответ А. Свирского: «...сознаюсь,— писал Свирский,— забыл, что именно читал Горький в редакции журнала „Жизнь“. Охотно верю ему, что не „Буревестник“».

⁸ Речь идет о Собр. соч. Горького, выходившем в эти годы (М.— Л., ГИЗ, 1924—1929) и очерке Горького «В. И. Ленин», напечатанном в журнале «Коммунистический Интернационал», 1920, № 12 (20 июля).

⁹ Литературно-художественные альманахи «ЗиФ» (№№ 1—13) выходили с сентября 1927 г. до 1931 (раз в три месяца) при участии главным образом писателей группы «Кузница». В сборниках печатались Гладков, В. Бахметев, Г. Никифоров, С. Обрадович, П. Низовой, Н. Ляшко, И. Сельвинский, Н. Браун и др.

21

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Старокоушненый, 33, кв. 11.
25—IX—27.

Дорогой Алексей Максимович, я не могу освоиться с мыслью, что мое последнее письмо¹ оскорбило или обидело вас: не могу допустить этой возможности. Я знаю, что некоторые из здравствующих богато одаренных писателей одержимы недугом обидчивости: не терпят даже малейшего критического отношения к их произведениям — бледнеют, враждебно бычата, злопамятно затаивают в душе ненависть и мстительные намерения. Было это, как известно, и с некоторыми славными покойниками. Но я никогда не мог себе представить, чтобы и вас могла коснуться эта язва, и всякие намеки на вашу нетерпимость отвергал с негодованием. Я привык думать о вас как о человеке большой суровой правды, как о великом художнике, который создал целую эпоху в литературе. Я привык думать, что вы, по своей исключительной чуткости, не можете вынести ни лжи, ни лицемерия, а искреннее слово может вызвать у вас только или улыбку, или волнение. Вас никто не может обидеть, потому что вы по своему необычайному уму и мировому значению — выше этого. Очень вероятно, что я — не прав в своих суждениях о «Самгине», и совсем не спорю, что я, может быть, совсем не понял нутра этого произведения, но то, что я писал вам, я чувствовал больно, и мне хотелось высказаться от души. Я ненавижу ложь и фальшь во всех их видах, а лезть всегда вызывает у меня омерзение. Я ждал, что вы можете мне разобраться в недоуменных вопросах и укажете на мои ошибки. Но вы не ответили, и я теперь — в тревоге. Я хочу, чтобы вы сказали мне свое слово.

Был у меня Леонов, говорил о вас, и я, право, завидовал ему². Увидеть и почувствовать вас для меня было бы большим событием. Но ехать за границу и нюхать Европу сейчас мне не хочется. Мы совсем мало знаем свою страну — новую, своеобразную, удивительно многогранную. Поэтому вместо того, чтобы отправиться за советские рубежи, я все это

САМГИН И РОТМИСТР ПОПОВ

Рисунок (тушь, акварель) Кукры-
никсов к роману Горького «Жизнь
Клима Самгина», 1933 г.

Музей Горького, Москва

лето бродил и по северу, и по югу, и по Поволжью. И не насытился — неудержимо хочется опять бродить.

В Москве сейчас писатели — в беспокойстве: есть угроза остаться вне профсоюза. Дело в том, что писателя рассматривают наши профсоюзные бюрократы как собственника и, пожалуй, как предпринимателя (право распоряжаться своим литературным имуществом). Он, видите ли, работает не по найму, а посему в профсоюзе ему не место. По своим гражданским правам он может приравняться только... ну, скажем, к домашним хозяйкам. Ц<ентральное> Б<юро> секции печати говорит об этом с циничной откровенностью. Журналисты ведут себя, на мой взгляд, по-предательски. Я стою на той точке зрения, что нам не нужно было выходить из Рабпроса, а присоединиться к секции научн<ых> работников или создать свою литературную секцию. Теперь же ученые от нас решительно отмахиваются. Боюсь, как бы писатели не лишились того правового положения, которое они закрепили за собою за эти годы. Вот где до зарезу нужен ваш авторитетный голос.

Леонов говорил, что вы будто собираетесь приехать в будущем году. Это было бы чудесно, но я боюсь, что затреплют вас здесь и измучают наши писатели.

Дело с Воронским как будто безнадежно ³. Но неудивительно будет, если скоро произойдет какой-нибудь неожиданный сдвиг. Скверно то, что очень много теперь шустрых и прилипчивых ребят вроде... Фатова. Эти пострелы везде поспевают.

Простите за назойливость, но, право же, вы должны во что бы то ни стало помочь стать крепко на ноги сборникам «ЗиФа». Ваше имя будет тем центром, вокруг которого объединятся все писатели, как старики, так и молодежь. Вы же сами знаете, что ваше имя — это лозунг, знамя

наших дней. Ваш отказ от сотрудничества и от того, чтобы поставить ваше имя на книжках, истолкуется превратно: многие будут убеждены, что вы бойкотируете эти сборники. Вы уже получили, вероятно, новое письмо от редакции сборников⁴. Пожалуйста, не отклоняйте просьбы.

Скоро ли выйдет 2-й том «Самгина»?

Я руковожу одним литературным кружком молодежи («Вагранка»). Растут замечательные ребята⁵.

Всего вам доброго. Хочется дружески, любовно пожать вам руку.

Фед. Г л а д к о в

Читали ли вы мое «Пьяное солнце» в «Новом мире»? Просмотрел я его в печати, и мне стало жутко: много еще над ним нужно работать⁶.

¹ См. письмо 20.

² Л. М. Леонов был в гостях у Горького в Сорренто в июле 1927 г.

³ См. письмо 17, прим. 1 и 3.

⁴ Письмо Горькому от редакции альманаха «ЗиФ» было послано 30 сентября 1927 г. за подписями Обрадовича, Бахметьева, Гладкова, Серафимовича, Новикова-Прибоя и др. (АГ).

⁵ Вокруг МАПП в двадцатые годы создавалась сеть рабочих литературных кружков при райкомах партии. Один из таких кружков — «Вагранка» — был создан в 1923 г. Гладков руководил этим кружком с 1927 г. Участники кружка (Я. Шведов, К. Минаев, М. Поликарпов, И. Дорофеев и др.) печатали свои произведения в газетах и журналах. Было издано два сборника: «Вагранка». Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском райкоме РКП(б). М., «Московский рабочий», 1925; «Вагранка». Рабочий литкружок. М., «Молодая гвардия», 1930.

⁶ См. письмо 9, прим. 2.

22

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

(Сорренто. 2 октября 1927 г.)

Какой вы «подозревающий» человек, Федор Васильевич! Чуть только немного задержишь ответ на ваше письмо, как вы уже подозреваете: обиделся! А ведь можно объяснить медлительность моих ответов вам гораздо проще и ближе к правде: времени не хватает. Вот сегодня отвечаю вам «вне очереди».

Не следовало бы подозревать меня болеющим «недугом обидчивости», потому что в оценке вашей «Самгина» ничего «обидного» не содержится. Затем: пишу я 35 лет, но — самоуверенностью не страдаю и считать себя непогрешимым отнюдь не склонен. И не стыжусь учиться даже у «начинающих», о чем мною совершенно искренно и печатно заявлено в статье, приложенной к первому тому рассказов прекраснейшего художника нашего М. М. Пришвина¹. Ваше мнение о «Самгине» — мнение, с которым я также считаю, как и с мнением всякого другого литератора, мастера одного цеха со мною. К мнениям сотоварищей-беллетристов я всегда был более внимателен, чем к поучениям критиков. Вот «Руль» перепечатал из какой-то московской газеты — «Руль» редко указывает квартиры, из которых он ворует, — стихи, перифразу Некрасова:

Я книгу взял, восстав от сна
И — погрузился в сон.
Роман «Жизнь Клим Самгина»
На 800 персон!
Что Достоевский? Что Бальзак?
Что книги прежних дней?
Бывали лучше — точно так,
Но — не было скучней!²

Стишки не очень остроумны, а «На 800 персон» — не плохо! И — увы! надо согласиться: книга-то скучновата. Хотя — может быть — это ей и приличествует как панихиде о русской интеллигенции.

На ваш вопрос: почему не пишу о современности? ответить легко: не могу разрешить себе писать о том, чего не вижу, что только чувствую и о чем догадываюсь. Вот, в мае, приеду в Москву, похожу, поезжу по России, побываю в местах, где живал, увижу, что случилось, и тогда, м<ожет> б<ыть>, напишем и о современности.

Для сборников «ЗиФа» — что я могу сделать? Готового у меня нет ничего, писать одновременно рассказы и роман — не могу. И так мне приходится слишком часто отрываться от работы.

Второй том Самгина будет печататься, вероятно, с января, не раньше ³. От редакции «ЗиФа» писем не получал.

Наступает осень, бронхитное время.

Будьте здоровы, всего доброго!

А. Пешков

Каким хорошим прозаиком становится Н. Тихонов ⁴. За этот год появилось четверо очень интересных людей: Заяицкий, Платонов, Фадеев, Олеша ⁵. Удивительная страна.

«Пьяное сердце» ⁶ буду читать, когда получу конец. Жму руку.

А. П.

2.X — 27. Sorrento.

¹ Михаил Пришвин. Собр. соч., т. 1. «Охота за счастьем». М.— Л., Госиздат 1927. Вступительная статья Горького.

«Я многому учился по вашим книгам <...> Учусь и по сей день,— писал Горький,— и не только у вас, законченного мастера, но даже у литераторов моложе меня лет на тридцать пять, у тех, которые только что начали работать, чьи дарования еще не в ладах с умением, но голоса звучат по-новому сильно и свежо» (стр. 8).

² Белоэмигрантская газета «Руль» (Берлин) перепечатала эпиграмму Арго, опубликованную в газете «Вечерняя Москва», 1927, № 218, от 24 сентября. Перефразированы стихи Некрасова из поэмы «Современники»: «Я книгу взял, восстав от сна, и прочитал я в ней: „Бывали хуже времена, но не было подлей“».

³ Вторая часть романа «Жизнь Клима Самгина» печаталась в «Новом мире», 1928, №№ 5—9 и «Красной нови», 1928, №№ 5—8; в 1928 же году была напечатана в Собр. соч. Берлин, «Книга», т. XXI.

⁴ В 1927 г. вышли две книги рассказов Н. С. Тихонова «Военные кони» и «Рискованный человек». М.— Л., ГИЗ.

⁵ Горький имеет в виду следующие произведения: С. С. Заяицкий. Баклажаны. М., «Круг», 1927; А. П. Платонов. Епифанские плюзы. М., «Молодая гвардия», 1927; А. А. Фадеев. Разгром. Л., «Прибой», 1927 (отрывки первоначально печатались в «Молодой гвардии», 1926, №№ 7 и 12); Ю. Олеша. Зависть. «Красная новь», 1927, кн. 7—8.

⁶ Описка Горького. Речь идет о рассказе Гладкова «Пьяное солнце».

Дорогой Алексей Максимович!

Недели две тому назад меня посетил П. П. Крючков и вручил мне вырезку из итальянской газеты с моим «некрологом». Мы очень весело провели время по этому случаю. Я был очень тронут вашей шуткой на счет моей мнимой смерти ¹.

С величайшим нетерпением жду вашего приезда в Москву. Март — апрель — май — осталось только три месяца! Очень часто вспоминаю мое свидание с вами в 1917 году на Кронверкском ². Ах, какой же я был дурак и дикарь в ваших глазах! Ведь я приехал из мурья — приехал

не столько для того, чтобы подышать революционным воздухом Питера, сколько для того, чтобы увидеть вас, образ которого я с любовью и волнением носил в душе с 1900 г. Сидел я тогда перед вами и — замирал, а в душе была невообразимая сумятица.

Сейчас у нас идут лихорадочные приготовления к вашему юбилею³. Ведь юбилей ваш — это праздник всей не только русской, но и мировой литературы. И активное участие в этом празднике — большая радость для каждого из нас. Живу робкой надеждой, что, будучи в Москве, вы не откажетесь посетить меня.

Написал я несколько статей о вас в журналы, но страшно ими (этими статьями) недоволен⁴. Глубоко жалею, что до сих пор не сумел написать хотя бы одной большой статьи, где можно было бы выложить со страстью и огнем все то, чем полна моя душа. Верю, что сделаю это после живого общения с вами. Кажется, жизнь бы отдал, чтобы написать о вас такую же чудесную поэму, какие вы писали, напр<имер>, о Ленине, Красине и др.⁵

Получили ли вы альманах «ЗиФа»?⁶ Какое он произвел на вас впечатление? Повесть Бахметьева, по-моему, очень хороша, если не считать несколько необоснованного конца и некоторых погрешностей в языке. Так называемая пролет<арская> литература, что бы ни говорили о ней скептики и недоброжелатели, все-таки бурно растет. Если признать за истину известное положение Плеханова, что художественное произведение в конечном счете определяется его содержанием, то и темы, и проблемы современности, и персонаж, и своеобразие их формального воплощения разрабатываются в пролет<арской> литературе с размахом, который не снился и старым и новым попутчикам. И это вполне понятно: в нашей советской и партийной общественности есть очень много такого, что скрыто от т<ак> н<азываемых> попутчиков, и понять многое существенное они — не в состоянии. Вся болтовня о некультурности т<ак> н<азываемого> пролетарского писателя (я говорю о профессионалах) порядком уже надоела. Галиматья. Ведь все наиболее видные пролет<арские> писатели — это люди, которые еще в давние времена подполья, тюрем и ссылки очень много работали и сейчас работают над собою и пишут уже по 15—20 лет. Досадно слушать, как наши «авторитетные» критики, продолжают без достаточных оснований упираться на большую культурность, напр<имер>, таких писателей, как Вс. Иванова, Сейфуллиной, П. Романова, Леонова и т. д. Одним из признаков культурности является — умение осознать свою эпоху, умение разобраться во многих процессах нашей истории и хотя бы приблизительно верно истолковать важные явления нашей действительности. В этом отношении они до смешного беспомощны и наивны.

С другой стороны, наши шустрые пострелы и казенные писаря из «На лит<ературном> посту» невыносимо пустозвонят с репетиловской развязностью о вещах, в которых они ничего не смыслят. Все эти Волины, Зонины, Авербахи, Ермиловы, Фатовы и К⁰, не имеющие никакого отношения к литературе, из всех сил лезут в «водители» п «идеологи» и с апломбом невежд и бесстыдников пророчествуют об «органически гармоническом человеке современности», о «живом человеке в художественной литературе» и т. п.

Дня через 2—3 уезжаю опять на Днепрострой. Потом, вероятно, проеду на Донщину — в колхозы. Это своеобразное хозяйство совсем у нас не изучено. Возвращусь через месяц. Надеюсь, что к приезду ответ от вас будет получен.

Нет ли все-таки у вас чего-нибудь для альманаха? Не сердитесь за назойливость: уж больно хочется выпустить книжку с вашим именем. Альманах выходит под моей редакцией.

ГОРЬКИЙ

Снимок сделан 28 мая 1928 г. во время выступления на митинге у Белорусского вокзала,
по приезде в Москву

Музей Горького, Москва

Ваше последнее письмо для меня было большой радостью: это было письмо от друга.

С крепкой любовью жму вашу руку.

Ф. Г л а д к о в

Как ваше здоровье?

Как вы смотрите на Никифорова?⁷ Из этого рабочего будет толк. Не оглушили вас Безыменский, Жаров и Уткин?⁸

¹ В одной из итальянских газет было напечатано ошибочное сообщение о смерти Гладкова. Вырезку с этим сообщением Горький передал Гладкову через своего секретаря П. П. Крючкова.

² Об этой встрече Гладков вспоминал в автобиографии: «Был у него лично в 1917 г. на Кронверкском. Встретил радушно. Много расспрашивал меня о моей жизни, о работе и все повторял: „Ведь я вас знаю давно — никогда не пишете скучно“» (Л. М. К л е й н б о р т. Очерки народной литературы. Л., 1924, стр. 205).

³ В феврале 1928 г. в Москве был создан Общественный комитет по организации чествования Горького в связи с 60-летием со дня рождения и 35-летием его литературной деятельности.

⁴ В 1928 г. появились статьи Гладкова: «Горький в моей юности (Из воспоминаний)». — «Красная нива», № 13, от 25 марта; «Вождь и учитель». — «Прожектор», № 13, от 25 марта.

⁵ Имеются в виду воспоминания Горького «В. И. Ленин», полностью впервые опублик. в кн.: «Воспоминания. Рассказы. Заметки». М., «Книга», 1927, и «Леонид Красин». Очерк о Красине впервые был напечатан в «Известиях», 1926, № 294, от 19 декабря.

⁶ Альманах «ЗиФ», кн. 1. М., 1925, под ред. Ф. Гладкова. В альманахе был опубликован роман В. М. Бахметьева «Преступление Мартына».

⁷ Георгий Константинович *Никифоров* (1884 — ?) — советский писатель, входил в группу «Кузница». В 1927 г. опубликовал роман «У фонаря».

⁸ А. И. Безыменский (р. 1898), А. А. Жаров (р. 1904) и И. П. Уткин (1903—1944) в феврале 1928 г. были в гостях у Горького в Сорренто. 5 февраля 1928 г. Горький писал Сергееву-Ценскому: «Сейчас у меня живут три поэта: Уткин, Жаров, Безыменский. Талантливы. Особенно первый» (т. 30, с. 72).

24

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

25 марта 1928 г.

Москва 1, Грузинский вал, д. 26, кв. 85.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять не получил ответа на свое последнее письмо, посланное месяца полтора назад. Хотя «очередь» моя, очевидно, уже давно прошла, но... почему именно вы должны отвечать на каждое мое письмо? Ведь не каждое же письмо достойно ответа...

Невзирая на то, что скоро, очевидно, увижу вас, я не могу все-таки удержаться, чтобы не написать вам несколько строк по следующему незначительному поводу. Прошу вас только не истолковать превратно ни тона, ни содержания этого письма. Я только хочу высказать несколько недоуменных вопросов, которые сейчас встревожили не столько меня, сколько моих товарищей. Это касается одного из последних событий — вашего письма к Ромену Роллану¹.

Письмо это появилось в нашей печати на этих днях, и оно вызвало очень много толков. Лично я отнесся к нему спокойнее других: я не увидел в нем ничего предвзятого. Многие же — наоборот — увидели в этом письме определенную предубежденность вашу к некоторым литераторам и даже к целым группам. Мне пришлось горячо поспорить с этими людьми, но переубедить их все-таки не удалось. Мне кажется, что, перечисляя имена писателей, вы вовсе не задавались целью одних нарочито выделить, а других пренебрежительно замолчать, считая их недостойными упоми-

нения. Произошло это, по-моему, случайно: просто одни спрыгнули с кончика пера, а другие по забывчивости застряли (сколько ведь их!). Чем же можно объяснить, напр<имер>, следующее: вы рекомендуете какого-то Л. Борисова и, скажем, Н. Смирнову², а умалчиваете о замечательном парне — М. Чумандрине, говорите о Катаеве, но ни слова о Бахметьеве (который выше Фадеева), называете П. Орешина³, но ни звука об Обрадовиче и т. д., и т. п. А так как *сейчас особенно* к каждому вашему слову прислушиваются и чуть ли не считают его законом, то целая группа писателей, именно — «Кузница»⁴, склонна считать, что вы ни одного писателя этого содружества и в грош не цените: не посчитали нужным упомянуть в таком важном письме ни одного даже из видных ее писателей, известность которых распространяется далеко за пределы Советской России.

Дело в том, что так называемая пролетарская литература не только в нашей стране, но и в странах Запада завоевывает себе одно из первых мест и по мастерству, и, главным образом, по своим темам, глубоко волнующим не одни только слои пролетариата. Из вашего же письма действительно не видно, признаете ли вы за писателями этой группы какие-либо заслуги перед искусством или совсем не признаете. Получается такое впечатление, что вы как будто сознательно делаете им отвод, а единственными носителями русской литературы считаете людей, которые меньше всего характерны для нашего времени (Сергеев-Ценский, Клычков, Толстой, Пришвин, Гл. Алексеев⁵, Катаев и пр.). И совсем не смягчает впечатления упоминание Фадеева, Сергея Семенова⁶ и (ох!) Жарова. Хуже — читаешь эти фамилии и чувствуешь: уж лучше бы Горький совсем промолчал о них, а то что-то уж больно нехорошо выходит.

Потом это странное выпячивание Сергеева-Ценского и Пришвина как *вождей* современной русской литературы. Как они ни хороши как мастера, но беру на себя смелость и ответственность заявить вам, что никогда они вождями (или «во главе» — что одно и то же) русской литературы (и тем более — современной) не были и, конечно, не будут. Горького вот безоговорочно приемлют как вождя, и впрямь ему уготована сия роль. А какие же они, извините, вожди? Неверно, Алексей Максимович! Русская литература наших дней нуждается в вождях другого рода, о чем вам должно быть известно не менее, чем нам. Ибо новые, неслыханные раньше, неведомые этим «вождям», задачи стоят теперь перед писателем, новые проблемы прут из новой жизни, которые непонятны им, чужды и от которых они бегут в панической растерянности, как от «жупела» и «металла»⁷. Теперь же всем ясно, что революция и литература — это одно, что оторвать их одно от другого невозможно. И тот, кто не живет нашей действительностью, не горит жаром нашего созидания, не страдает нашими болями, кто не может по-нашему «объяснять и изменять мир», — тот писатель — вне нашей литературы, тот умер для нас. Что же тут говорить о водительстве...

Только об этом я и хотел написать вам. Надеюсь, что вы хотя бы в 2-х — 3-х словах рассеете наше недоумение.

Ждем вас в Москву. Боюсь, что тот триумф, который готовят вам, истомит вас вдребезги. Измотают вас. Как ваше здоровье?

Душою с вами

Фед. Г л а д к о в

¹ Письмо Горького Ромену Роллану от 29 января 1928 г. было напечатано с некоторыми сокращениями в «Правде», 1928, № 70, от 23 марта. Письмо было написано Горьким по просьбе Роллана, в связи с антисоветской кампанией белоэмигрантской прессы, поднявшей шум вокруг присланного якобы из Советской России письма, в котором клеветнически изображалось бедственное положение писателей в СССР.

Ответ Горького, нарисовавшего подлинную картину литературной жизни в Советском Союзе, был опубликован Ролланом в журнале «Еигоре» в марте 1928 г. (см. вступительную статью к наст. тому, стр. 19—22).

² В 1927 г. вышли книги: Л. Б о р и с о в. *Ход конем*. М.— Л., «Прибой»; Н. С м и р н о в а. *Закон земли*. Рассказы. М.— Л., «Прибой». Ко второму изданию книги Л. Борисова Горький написал предисловие в 1928 г., которое не было опубликовано. Горький рекомендовал редактору журнала «Красная новь» Вс. Иванову привлечь к сотрудничеству Н. В. Смирнову и Л. И. Борисова в числе других молодых писателей (письмо от 20 января 1928 г., АГ). О М. Чумандрине см. в наст. томе, стр. 673.

³ Петр Васильевич *Орешин* (1887—1943) — писатель, один из представителей крестьянской поэзии двадцатых годов.

⁴ Группа пролетарских писателей «Кузница» возникла в 1920 г. при Литотделе Наркомпроса. Ядро «Кузницы» составляли первоначально поэты-пролеткультовцы С. Обрадович, В. Кириллов, М. Герасимов и др. Позднее на первый план выступили прозаики Ф. Гладков, В. Бахметьев, Г. Никифоров, Н. Ляшко и др. В литературной борьбе двадцатых годов «Кузница» занимала особое место. Расходясь по ряду вопросов с РАПП, «Кузница» иногда объединялась с «Перевалом» против «напостовцев». Но в то же время представители «Кузницы» резко восставали против литературной политики критиков «Перевала», выдвигавших на передовую линию советской литературы двадцатых годов так называемых «писателей-попутчиков». Следы групповых пристрастий явственно ощущаются в данном письме Гладкова.

Сергей Александрович *Обрадович* (1892—1956) — один из поэтов группы «Кузница», редактировал журнал «Кузница», альманахи ЗиФ, «Рабочий журнал». В своих стихах воспевал пафос освобожденного заводского труда.

⁵ Глеб Васильевич *Алексеев* (р. 1892) — советский писатель, автор романа «Тени, стоящие впереди», ряда рассказов и очерков.

Горький называл Гл. Алексеева в числе талантливых «очеркистов», которых выдвинула молодая советская литература (см. статью Горького «О литературе», т. 25, с. 256).

В личной библиотеке Горького хранятся две книги Алексеева с дарственными надписями: «Мертвый бег. Повесть зарубежных лет». Берлин, «Книгоиздательство писателей», 1923, и «Шуба». Харьков, «Пролетарий», 1927. На обеих книгах имеются пометы Горького.

⁶ Сергей Александрович *Семенов* (1893—1943) — советский писатель, автор популярного в двадцатых годах романа «Наталья Гарпова».

⁷ Выражение, идущее из комедии А. Н. Островского «Тяжелые дни». Героиня пьесы Настасья Петровна говорит, что наравне с «металлом» для нее самое «страшное» слово «жупел».

25

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

Сорренто. <Начало апреля. 1928 г.>

Р. Роллан опубликовал только часть сведений о совр<еменной> рус<ской> лит<ературе>, посланных мною ему для его личного осведомления; я дал ему право пользоваться этими сведениями, как он захочет и в какой мере найдет нужным. Его полемика с рус<скими> эмигрантами продолжается.

Ему нет никакого дела до разногласий, существующих между совр<еменными> русскими писателями. Мне эти разногласия кажутся преждевременными, и я чувствую в них отголосок оскорбленных самолюбий.

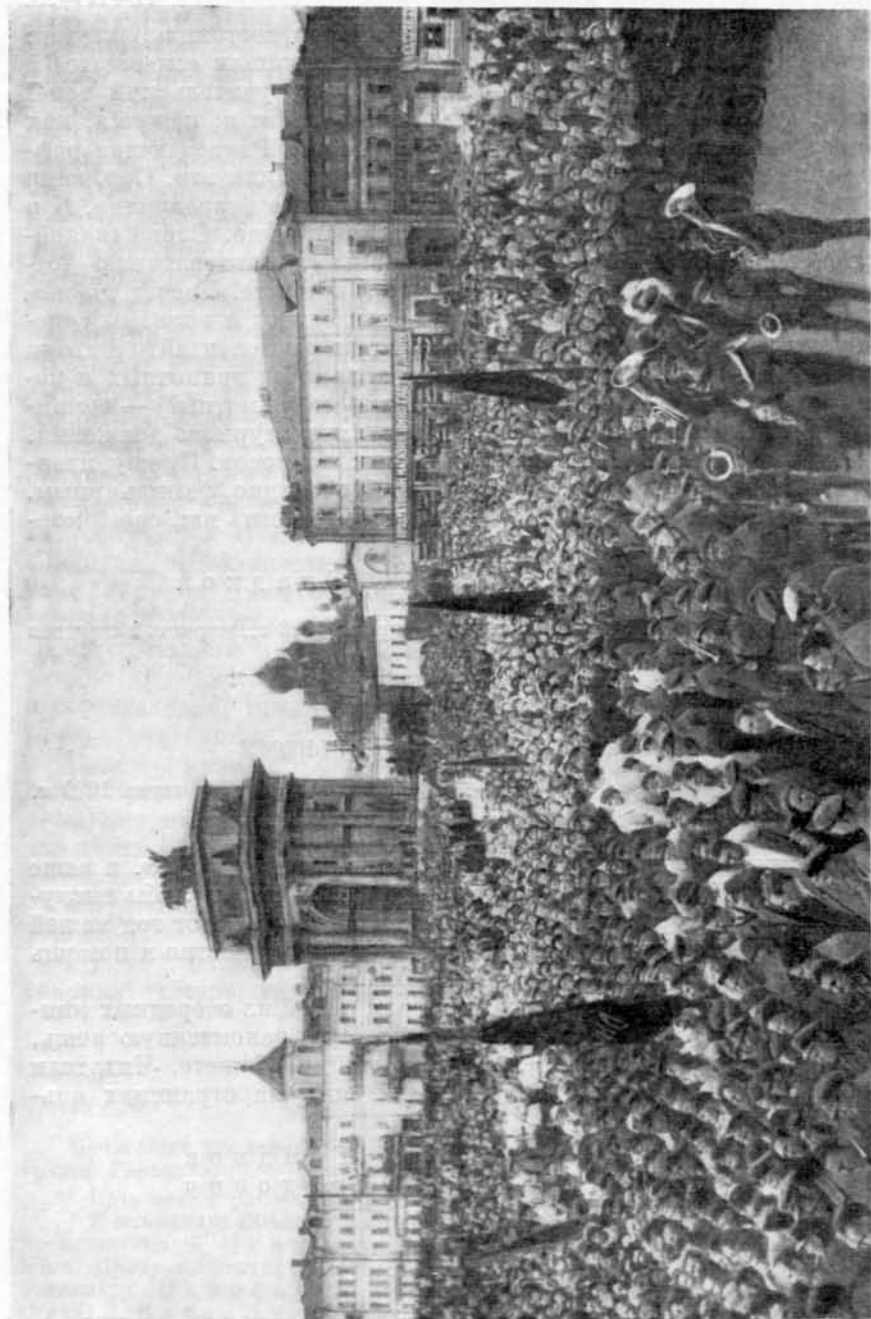
О книге «какого-то» Л. Борисова¹ читайте отзывы рабочих. Откуда у вас этот «аристократический» тон по отношению к начинающему писателю — «какой-то»? Не заболели ли вы «комчванством»? Есть писатели плохие и есть хорошие. Ценский и Пришвин — отличные писатели, поэтому плохие писатели должны учиться у них как надо работать. Вот почему я их «„страшно“ выпячиваю», как вы пишете.

Стихи Обрадовича Роллан знает. Он вообще

Датируется по письмам 24 и 26.

Печатаемый отрывок представляет собой черновой набросок письма Гладкову. Полный текст письма, посланного Гладкову, не обнаружен.

¹ См. письмо 24, прим. 2.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО В МОСКВЕ, 28 МАЯ 1928 Г.

На площади у Белорусского вокзала в ожидании прихода поэта

Фотографии

Музей Горького, Москва

Ваш раздражительный окрик, Алексей Максимович, достоин изумления: я совсем не заслужил его¹. Мне невдомек: что вы нашли «смешного» и «забавного» в моем письме? В чем проявился этот «учительский тон»? Ваш намек на «уязвленное самолюбие» бьет мимо цели: я, кажется, как никто страдаю неизлечимой болезнью самоотрицания. Разъедающая рефлексия обессилила меня вконец. Вы даже сами заметили это. Сообщали ли вы обо мне Р. Роллану или нет, — мне совершенно безразлично. Я и не думал о себе, когда писал вам это злополучное письмо. Слово «какой-то» написано, правда, неосмотрительно — не из «аристократизма» (откуда может быть «аристократизм»?), а по другой причине. Насчет «разногласий» я с вами не вполне согласен; они — неизбежны и вызваны своеобразными условиями развития нашей литературы (не посчитайте и это за «учительский тон»). Ваше деление писателей только на грамотных и неграмотных (что же это за писатели, если они — неграмотны?) — сомнительный критерий для вскрытия сути нашего литературного движения. Очень благодарен за разъяснение недоуменных вопросов. Прошу извинить меня за прошлое письмо, которое вы нашли, очевидно, фамильярным. В дальнейшем я, конечно, не посмею больше беспокоить вас своей корреспонденцией. Преданный вам

Ф. Г л а д к о в

¹ Имеется в виду письмо Горького от начала апреля 1928 г., черновой отрывок которого приведен выше.

Москва. 30 марта 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы уже достаточно знакомы с альманахом «Земля и фабрика», и ваше отношение к нему, надеемся, не отрицательное. Очень хотелось бы выслушать ваш отзыв о некоторых книжках, которые вышли за этот год нашей работы. Но в первую голову необходимо *ваше* близкое участие и помощь в нашей работе и словом и делом.

Не откажите, Алексей Максимович, дать для одной из очередных книжек альманаха то, что у вас есть под рукой — или законченную вещь, или отрывок из романа. Вы этим нас чрезвычайно обяжете. Читатели настойчиво выражают желание увидеть ваше имя на страницах альманаха «Земля и фабрика».

Ф. Г л а д к о в
С. О б р а д о в и ч

〈Сорренто. 25 апреля 1929 г.〉

Дорогой т. Гладков.

У меня нет ничего, что я мог бы дать для альманаха «ЗиФ»; роман в этом году я не кончу, частями печатать его — не стану¹.

В четвертом альманахе² мне больше всего понравились стихи Брауна «Быстрота». «Соленая купель» Новикова очень напоминает перевод пло-

хого английского романа. Новикова я не люблю читать, это — литературный мастеровой; ремесло, избранное им, нимало не волнует его, равнодушный к нему, он почти не совершенствуется в нем и хотя выработал некоторую ловкость, все-таки пишет таким языком: «И не волны, а злые духи, наряженные в белые плащи, с гулом и шипением вкатывались на палубу». Вот эти «духи в плащах», и многое прочее в таком же роде, и делает сочинение Новикова похожим на дешевый английский роман.

Вообще же, мне кажется, в альманахах следует привлекать возможно больше молодежи.

На ваш вопрос о книжках, изданных «ЗиФом» за год, должен сказать, что в этой работе я многого не понимаю. Напр<имер>: зачем нужно было издать совершенно неудачный огромный роман Писемского «Люди 40-х гг.», когда можно бы заменить его небольшим и правдивым романом одного из «петрашевцев» Пальма — «Альминского» «Алексей Свободин» (м<ожет> б<ыть> «Андрей», не помню) или романом Авдеева «40-е годы»³. Так же непонятно издание очень плохой книги Мельникова «На горах». У него «В лесах» есть хороший язык и есть объективность художника, а ведь «На горах» — ни того, ни другого, и очень много желания угодить «православию» посредством сознательного искажения диссидентства пошлостью и ложью. Так как Мельников поволжское сектантство знал отлично, он отлично и порочил его. Книг Мельникова у меня нет, и я не знаю, даны ли «ЗиФом» предисловия к ним, характеризующие фигуру автора, как «доносителя» и «гонителя»⁴. Наилучше говорит о нем его же секретная «Записка о сектантстве», опубликованная в посвященном Мельникову томе «Трудов Нижегородской губ<ернской> Архивной комиссии»⁵. Писемский и Мельников изданы, «несмотря на реакционную идеологию» их. В массе нашего нового читателя «реакционное» настроение живет как эмоция, как инстинкт и «власть земли». Я опасаясь, что книги реакционных писателей, предложенные читателю без предисловий, помогут ему превратить эмоции в идеи.

Издание пухлых и скучнейших книг Т. Драйзера⁶ тоже не совсем понятно мне. В США есть писатели более талантливые. Обращаю ваше внимание на новую книгу Синклера Льюиса «Местечко» — и посылаю две книги Жюльена Грин и Карла ван Вехтен, он — голландец, но пишет по-английски⁷.

«Журнал для всех»⁸ становится живее, интересней. Это — очень хорошо.

Ну, вот, написал вам ворчливое письмо, как и надлежит писать мне, старику. Скоро увидимся.

Будьте здоровы.

А. Пешков

Сорренто.
25—IV—29.

Печатается по авторизованной машинописной копии, сохранившейся в личном архиве Горького.

¹ Речь идет о работе над 3-й частью романа «Жизнь Клима Самгина».

² В альманахе «Земля и фабрика», № 4, М., 1928, были опубликованы следующие произведения: А. Новиков - Прибой. Соленая купель. Роман; С. Обрядович. Призрак. Стихи; Н. Браун. Быстрога. Стихи; Е. Замятин. Наводнение. Рассказ; Г. Никифоров. Ложь. Рассказ; Осип Колычев. Сады Тирасполя. Стихи; Э. Багрицкий. Suprinus Carpio. Стихи; И. Ерошин. Алтайские песни. Стихи; М. Слонимский. Пощечина. Рассказ; Г. Алексеев. Приданое. Рассказ; М. Пришвин. Три рассказа.

³ А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов. Роман, кн. 1—2. М.—Л., «ЗиФ», 1928.

Автобиографический роман А. И. Пальма (1822—1889) «Алексей Свободин. Семейная история в 5-ти частях» был напечатан под псевдонимом П. Альминский в «Вестнике Европы», 1872, №№ 10—12.

М. В. Авдеев. В сороковых годах. Повесть. — «Вестник Европы», 1876, т. V, кн. 9; т. VI, кн. 11. М. В. Авдеев умер в 1876 г., и повесть осталась незаконченной.

⁴ В 1928 г. издательством «ЗиФ» были выпущены оба романа П. И. Мельникова (Печерского) «В лесах» и «На горах», снабженные предисловиями. В предисловии Л. К. к роману «На горах», в частности, писалось: «Мельников-Печерский является писателем благонамеренным. Он не только не задумывался над „потрясением основ“, но даже считал своей необходимой задачей охранение их».

⁵ В память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Сборник. Издание Нижегородской ученой архивной комиссии 1911, т. IX, ч. II. «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии, составленный состоящим при Мин. Внутр. Дел коллежским советником Мельниковым».

⁶ В 1928 г. изд-во «ЗиФ» выпустило в свет тт. II—VII Собр. соч. Т. Драйзера под ред. С. С. Динамова (романы: «Финансист», «Титан», «Гений», «Освобождение», «Американская трагедия», «Цепи»).

⁷ Указанные книги Горький посылал для издательства «ЗиФ», что подтверждается письмом Горького А. Б. Халатову от 27 апреля 1929 г.: «Передайте книжку в „ЗиФ“. Недавно я послал туда на имя Гладкова еще две книжки, француза и голландца (АГ).

Жюльен Грин (р. 1900) — французский писатель. Возможно, Горький послал его роман «Leviathan».

Карл ван Вехтен (1880—?) — американский писатель (по происхождению голландец).

Книги этих писателей издательством «ЗиФ» выпущены не были.

⁸ «Журнал для всех» — ежемесячный литературно-художественный, научно-популярный журнал под редакцией В. Бахметьева, Гладкова и П. Ляшко. Выходил с сентября 1928 г.; со второго номера 1930 г. по 1932 г. — под названием «Пролетарский авангард».

29

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
5—IX—30.

Дорогой Алексей Максимович!

В конце сентября я собираюсь поехать в Германию, а оттуда — в Италию. Если получу разрешение и визу, проеду сначала в Берлин, потом — в Рур, Эссен и, может быть, в другие промышленные районы. Италию я давно уже мечтал увидеть. В жизни никогда не думал о возможности побывать за границей. В последние годы я не испытывал никакого желания ехать в чужие страны: мне казалось, что я не знаю очень многих сторон нашей советской действительности, а посему должен прежде всего изучить жизнь и людей своего отечества. И я ездил, жил, наблюдал несколько лет до самого последнего времени. Немецкие рабочие и писатели не раз звали меня к себе, но я откладывал поездку год от году. Теперь вдруг пришла охота посмотреть, как и чем живут люди за нашим рубежом.

Если я буду в Италии, как же я утерплю, чтобы в первую голову не броситься к вам? Я считаю своим долгом, обязанностью увидеть вас хотя бы мимолетно, чтобы приветствовать моего любимого писателя и друга, творчество которого — единственная для меня художественная мудрость. Если мое посещение не будет вам в тягость, прошу вас известить меня об этом. За это время еще успею получить ваш ответ.

Литературные склоки опротивели ужасно. Очень нудно и долго дискусируются творческие методы¹, шумно открываются азбучные истины, определяются какие-то ориентации, но никто толком ничего не знает, хотя апломбу пропасть. В литературе же пока тихо и скучно. И довлеет безграмотность.

Как ваше здоровье?

Всего вам хорошего, мой родной.

Фед. Г л а д к о в

¹ Очевидно, речь идет о развернувшейся в 1930 г. дискуссии о творческом методе пролетарской литературы. Дискуссия открылась статьей А. Безыменского «О творческой установке» в «Лит. газете» 14 апреля. В дальнейшем она развернулась и в ряде журналов: «Октябрь», «Литература и искусство», «На подъеме» и др. 16 июня в «Лит. газете» была напечатана статья Гладкова «О диалектическом методе в художественной литературе».

30

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

⟨Сорренто. 15 сентября 1930 г.⟩

Само собою разумеется, дорогой Ф⟨едор⟩ В⟨асильевич⟩, что я буду очень рад видеть вас, беседовать с вами.

ВСТРЕЧА ГОРЬКОГО С ПИСАТЕЛЯМИ В ПРАВЛЕНИИ ФЕДЕРАЦИИ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Выступает Ф. В. Гладков. Сидят (слева направо): Е. Д. Зозуля, А. А. Богданов, А. М. Эфрос, Горький, А. А. Фадеев, Г. К. Никифоров, А. Н. Толстой

Фотография, Москва, 7 июня 1928 г.

Музей Горького, Москва

Даже удивлен тем, что вы спрашиваете, не будет ли «визит» ваш «в тягость» мне. Что за церемонии?

Прибыв в Сорренто, велите извозчику отвезти вас на Капо ди Сорренто, в отель «Минерва». Отель — простенький, вам придется в нем только спать, я живу «через дорогу», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ напротив. Сын мой повозит вас по интересным местам. Чай пить будем, у меня самовар есть.

Жду! Привет.

А. П е ш к о в

15.IX.30.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

7—X—30
Мессина

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня я вышел на берег в Мессине и завтра или послезавтра прямо должен проехать в Рим для того, чтобы отсрочить визу, т^{<ак>} к^{<ак>} по недоразумению срок обозначен до 10—X. Там же достану визу для Германии.

Из Рима немедленно выеду в Сорренто ¹. Ваше письмо получил и в точности выполняю все ваши указания. В Неаполь приеду, вероятно, числа 12-го.

Приветствую вас и крепко жму руку.

Фед. Г л а д к о в

¹ Гладков был в гостях у Горького в Сорренто в середине октября. Об этой встрече Гладков вспоминал в статье «Максим Горький в моей юности» (сб. «Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955).

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

<Сорренто. Середина ноября 1930 г.>

Дорогой Федор Васильевич,

обещал вам написать о «Новой земле» ¹ и, вот, исполняю обещание. Делаю это с некоторым насилием над собой, потому что не хотел бы огорчать вас, а, кажется, огорчу: повесть, прочитанная мною вторично, еще более не понравилась мне.

Общее впечатление: вещь тяжелая, холодная, вся — «от ума» и лишена того чувства пафоса, которое вы весьма умело влагаете в форму ваших очерков. «Новая земля», кажется, не удалась. Чувствуется, что материал не продуман, не «облюбован», что вы слишком поспешили рассказать о нем, и эта спешность работы печально повлияла на художественную «изобразительность». Вероятно, материал выиграл бы, если б вы обработали его в форме очерка и от своего лица, но вы предпочли форму повести от первого лица, да еще от лица женщины. Что же получилось? Женщина повествует словами Федора Гладкова, но очень многословно и растянута, видишь, что она добросовестно читала ваши очерки — «Авангард» ² и др. и что этот материал подавил ее, принудив рассказывать о том, что Гладков уже рассказал лучше ее.

Сама она как женщина невидима, не ощущается читателем, хотя вы, прибегая к приемам «золаизма», и заставляете ее переживать сексуальные эмоции. На стр. 13-й она у вас «особенно чутко ощутила мягкую тяжесть грудей» своих, но для читателя это не удивительно, он принимает это лишь как чисто внешнее указание и напоминание: говорит женщина. Да и самые слова: чутко ощущать — неудачны; женщина так не скажет, к тому же и определение «чутко» более соответствует слуху. Далее она — девушка — говорит: «Это — не похоть, а инстинкт материнства». Читателю кажется, что похоть тоже лишнее слово, ибо этим словом грубо выражается все тот же инстинкт продолжения рода. Вообще же вы сделали девушку психологически женщиной раньше, чем она физиологически стала ею.

Прием Золя чрезмерно сильно использован вами в главе «Скотий двор» ³, это место весьма напоминает сцену в «Земле» Золя, и в ней очень

много неудачных слов: «Бронзовый трепет жизни», «лошади... с электрической дрожью переливались искрами», Ветров «с *неслышанной* радостью и упоением бесстрашно подошел к задку лошади и, *воркуя*, пошлепал ладонью по крутым бедрам животного». Затем он «слазил рукою между ногами и по брюху» лошади. Это весьма крутой пересол и — снова: это не девица видит и пишет, а Гладков. И даже там, где она говорит: «Ах, любовь всегда нуждается в красоте тайны!» — эти слова ее, после всего предыдущего, звучат неестественно.

И так — на протяжении всех 209 стр<аниц>. Некоторые главы, например, «Зародыши электроэнергии», «Огненный сад» особенно изобилуют надуманностью слов. Деревенские дети спрашивают, видя снегопад: «Это — просыпалось небо?» В главе «Завоевание полей» баба напрасно «задирает юбку до живота» и «хлопает себя по могучему, туго налитому бедру». Зачем это? Чтоб подчеркнуть гармонию животной силы и земли? Прием — оглушительный. Вы пользуетесь им слишком щедро и перегрубили повесть. Вы все время забываете, что повествует девица, а не Гладков. В главе «Огненный сад» мужики уходят «в отчаянии» — почему? Это совершенно неоправданно. На мой взгляд — повесть не удалась вам. Я сожалею об этом искренно. Посылаю карточки.

Письмо печатается по черновому автографу, датируется по письму 33.

¹ Федор Г л а д к о в. Новая земля. Записки педологички. Повесть. — Альманах «ЗиФ», № 10, М., 1929.

² Ф. Г л а д к о в. Коммуна «Авангард». М.—Л., Госиздат, 1928.

³ Описка: глава называется «Скотий мир».

33

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
20—XI—30.

Мой дорогой Алексей Максимович!

Большое вам спасибо за присылку фотографий ¹. Это — очень дорогая память о днях, так чудесно и поучительно проведенных в обществе с вами.

Я очень огорчен вашим отзывом о «Новой земле». Мне казалось, что вы встретите ее более приветливо. Что ж сделаешь! Значит надо пока замолчать и подумать о себе. Но удивительно, что повесть встретила здесь единодушное одобрение, несмотря на выступление Карпинского в «Лит(ературной) газете» ², впрочем, не как критика, а как журналиста, который не отрицает ее художественных достоинств. На меня напали не за повесть, а за очерк «По колхозным полям», где усмотрели правые и кулацкие тенденции. Чушь, конечно.

Решил уехать из Москвы, где работать мне не удастся. Думаю обосноваться или в Крыму или в Закавказье. В Москве я попал в самую гущу литературно-групповых склок и сразу же обалдел.

С нервами у меня происходят большие нелады: какой-то смутный ужас охватывает меня, особенно по ночам. Сила воли ослаблена до последней возможности. Вот достаточно было вашего отзыва о повести, и я упал духом, и мне кажется, что вы произнесли приговор над всей моей жизнью. Все это, разумеется, смешно, но факт остается фактом. Тут, должно быть, сказывается проклятое прошлое, которое достаточно безобразно исковеркало мою душу.

Но... Не будем жаловаться — будем, по силе и возможности, бороться и делать дело жизни.

Здесь — уже зима: холодно, идет снег. В Берлине я впервые за границей почувствовал дыхание революции. За две недели я облазил почти все рабочие кварталы. У интеллигенции — огромный интерес к нашей стране.

Сердечный привет всем, а вас целую и крепко жму руку.

Фед. Г л а д к о в

На этих днях вышлю вам все мои книги.

¹ Горький послал Гладкову фотографии, сделанные в Сорренто. Одна из них с изображением Горького и Гладкова воспроизведена в т. 29 (с. 464). Другая сохранилась у Т. Н. Гладковой.

² В. Карпинский в статье «Колхозная повесть Ф. Гладкова» («Лит. газета», 1930, № 53, от 15 ноября), одобрив тему произведения, упрекнул Гладкова в излишнем увлечении психологическим анализом.

34

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
20—11—31.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы дали твердое обещание прислать в феврале рассказ для альманаха «Земля и фабрика» и просили напомнить вам об этом. Разрешите попросить вас сдержать свое слово. Ваш рассказ нужен сейчас до зарезу. До вашего ответа я задержу сдачу материала в производство. Может быть, вы протелеграфировали бы свой ответ?

Еще до сих пор живу воспоминаниями о тех днях, которые проведены мною в обществе с вами. Многое по отношению к себе было передумано и взвешено. Держался я иногда нехорошо, иногда неумно. По некоторым признакам видно, что в ваших глазах я потерял всякое значение как писатель. Но представьте, что сейчас я стал крепче верить в себя. Несмотря на вашу уничтожающую критику «Новой земли», я считаю, что эта повесть все-таки написана неплохо, и вы во многом в оценке своей неправы (кстати, она еще раз тщательно проработана для отдельного издания) ¹. Знаю, что новая повесть, над которой я сейчас работаю, будет удачна: очень уж она меня захватила.

Автобиографический роман, который вы советовали писать немедленно ², отложен до тех пор, пока не закончу новую повесть: ничего не сделаешь — темпы социалистического строительства не дают возможности предаваться воспоминаниям о прошлом.

Здесь ждут вас с большим нетерпением. Вчера у меня собралось несколько товарищей — Гронский, Стецкий и др. ³, — и мы много и тепло говорили о вас. Не забудьте вашего обещания посетить меня, когда будете в Москве.

Душою ваш

Фед. Г л а д к о в

Сердечный привет Надежде Алексеевне и Максиму Алексеевичу, поцелуй ребятishкам. Привет также и художнику ⁴.

¹ Отдельное издание повести вышло в 1931 г. М.— Л., ОГИЗ (приложение к журналу «30 дней»).

² При встрече в Сорренто Горький горячо советовал Гладкову писать автобиографическую повесть.

Замысел автобиографического произведения и начало работы над ним относятся к более раннему времени. В журнале «На литературном посту», 1926 г., № 1 (5 марта), в разделе «Среди писателей» сообщалось, что Гладков «работает над рядом рассказов из подпольного быта и над романом из современной жизни. Одновременно идет работа

над автобиографическим романом» (стр. 55). Автобиографическая трилогия была завершена Гладковым значительно позднее. «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година» впервые публиковались в «Новом мире» (1949, № № 2—4; 1950, № № 7—9; 1954, № № 1—4).

³ Иван Михайлович Гронский (р. 1894) — старый большевик, в 1931—1934 гг. — редактор газеты «Известия» и журнала «Новый мир».

Иван Алексеевич Стецкий (1893—1939) — крупный партийный работник, с 1927 г. — член ЦК ВКП(б), с 1929 г. — заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б).

⁴ У Горького в Сорренто жили сын — М. А. Пешков с женой Н. А. Пешковой, их дети Дарья и Марфа и друг Горького художник И. Н. Ракицкий (1883—1942).

35

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва.⟩ 18—V—31.
Тел. 2—71—42

Дорогой Алексей Максимович.

Мне, очевидно, не придется увидеться с вами и побеседовать. В 20-х числах мая я уезжаю на Урал.

Разрешите беспокоить вас по следующему поводу. В ГИХЛе работает М. Д. Эйхенгольц ¹, человек выдающийся по своим знаниям и талантам. Его работу над Золя ² вы прекрасно знаете. Из наших разговоров в Сорренто я вынес впечатление, что вы относитесь к этому изданию очень положительно. Осталось выпустить последние два тома «Ругон-Маккаров». На очереди — «Четыре евангелия» и «Города». Было бы неплохо издать и избранные статьи и новеллы. Кроме того, Эйхенгольц работает над Флобером ³, которого нужно было бы издать с таким же тщанием, как и Золя. Но работа и над Золя и особенно над Флобером встречает большие затруднения не только вследствие бумажного кризиса, но в большей степени от пренебрежения к этому предприятию со стороны ОГИЗа. Эйхенгольц просто парализован: он страшно подавлен этим пренебрежением и полным отсутствием поддержки ⁴. Он — одинок и к тому же болен. Делает же он огромное культурное дело, и ему надо помочь во что бы то ни стало. Помочь же можете только вы. Было время, когда Эйхенгольц старательно и кропотливо изучал архивы Золя в Париже, и в результате мы имеем прекрасную редакцию *полного* Золя и богато представленную творческую его лабораторию. Работу над Флобером нужно было бы провести с такой же тщательностью и с внимательным изучением архивов во Франции, но Эйхенгольц не мог туда поехать: в ОГИЗе считают такую поездку лишней роскошью.

Не сможете ли вы, Алексей Максимович, принять М. Д. Эйхенгольца на короткое время и побеседовать с ним по вопросам этих изданий и оказать ему нужную поддержку? Он изложит вам очень интересные соображения по поводу своей работы, на которые некому обратить должное внимание.

Его телефон: 1—89—23.

Крепко жму вашу руку.

Фед. Г л а д к о в

Вы не сдержали своего слова относительно рассказа для альманаха «Земля и фабрика». Обещайте для альманаха свою пьесу, о которой вы говорили в поезде ⁵.

¹ Марк Давидович Эйхенгольц (1889—1953) — литературовед, специалист по истории французской литературы и театра.

² Э. Золя. Полное собр. соч., со статьями, примечаниями и иконографией под общей редакцией М. Д. Эйхенгольца. М., Госиздат, 1928—1931.

³ Г. Ф л о б е р. Собр. соч. в 10 томах, под общей редакцией А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. М.— Л., Госиздат, 1933—1934.

⁴ Эта фраза подчеркнута Горьким.

⁵ Возможно, речь идет о пьесах «Сомов и другие» или «Егор Булычов и другие»; в альманахе «ЭиФ» пьесы опубликованы не были.

36

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36
Тел. 2—71—42.
12—IX—32.

Дорогой Алексей Максимович!

Обращаюсь к вам с просьбой о разрешении посвятить вам мою новую книгу, первый том которой выходит из издательства «Федерация» и которая печатается сейчас в «Новом мире»¹.

И в прошлом, и в этом году я обращался к охраняющему ваши входы — Крючкову — с просьбой доложить вам о моем желании свидеться с вами. В ответ на мой телефонический запрос я не получал ответа. Из этого заключаю, что доступ мне к вам плотно закрыт. Да будет так. Вспоминается недоброжелательное отношение ко мне (в Италии) кое-кого из близких вам людей... Очевидно, я не умел держать себя у вас, будучи в гостях. Я очень об этом жалею. Я — застенчив, ненаходчив, неловок, неуравновешен...

Часто думаю о вас, и мне — тепло, радостно и больно.

Будьте здоровы.

Сердечный привет и любовь.

Фед. Г л а д к о в

Р. S. Не откажите сообщить мне через того же Крючкова (по указанному телефону) ответ на первый абзац письма.

¹ «Новый мир», 1932, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 — «Энергия», кн. 1, в 2-х частях. Отдельное издание 1-й книги — М., «Федерация», 1933. Книга с пометами Горького хранится в его личной библиотеке.

37

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Москва. 16 сентября 1932 г.〉

Уважаемый Федор Васильевич,

получил ваше письмо и крайне удивлен и его ироническим тоном, и содержанием. Ясно чувствуется: вы обижены тем, что мой друг и секретарь П. П. Крючков «плотно закрыл перед вами входы» ко мне. Разрешите сообщить, что все, что делает Петр Петрович — он делает по моей просьбе или же по указанию моему, значит: виноват перед вами не Крючков, а — я. Легко догадаться и о том, что «вход» ко мне затруднен недостатком у меня времени и что затруднение это распространяется на очень многих людей, встречи и беседы с которыми были бы очень приятны мне.

Затем: вы говорите о «недоброжелательном отношении» к вам кое-кого из близких моих. Поверьте, что у меня нет привычки навязывать близким мои симпатии или антипатии, к тому же близкие мои — народ взрослый, и они руководствуются в оценке людей и фактов своими впечатлениями. Вот уже третий раз вы пишете мне обиженное письмо, и, согласитесь, это говорит о какой-то ненормальности наших с вами отношений. Я думаю, что при наличии таких отношений вам не следует посвящать мне вашу книгу¹.

Печатается по черновому автографу, датируется по секретарской помете на машинописной копии. Возможно, письмо не было послано Гладкову.

¹ См. письмо 40, прим. 1.

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

<22 января 1933 г.>

Абхазия, Новый Афон. Дом отдыха АбЦИКа

Дорогой Алексей Максимович!

На днях вы получите первый том моей «Энергии»: она выходит в издательстве «Федерация»¹. К моему огорчению, книга получилась пухлой, как я ни старался жестоко сжать журнальный текст. Этот текст в «Новом мире» нельзя читать: я смотрю на него как на черновую работу. Мне

А. Г. МАЛЫШКИН, В. П. ПОЛОНСКИЙ, Ф. В. ГЛАДКОВ и В. С. СВАРОГ
В МАГНИТСКОРСКЕ

Фотография, 1931 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

очень жаль, что я не настоял решительно на отсрочке печатания книги до 33 года. Приходилось большую часть рукописи готовить к каждой книжке журнала. Работа была огромная, и я сидел изо дня в день часов по 10, как каторжный. Измучился до последней возможности. Каждая новая книжка журнала терзала меня, как грешника: я видел все недостатки, все провалы, все недоделки. Поэтому журнальный текст пришлось вдребезги перерабатывать, беспощадно сокращать, писать заново. Я и теперь еще слеп к своей работе, и через полгода, несомненно, мне мучительно будет видеть свое создание в том виде, в каком оно подано в книге.

«Энергия» посвящена вам. Об этом я мечтал давно. Для меня это — целое событие: во-первых, потому, что это знаменует завершение целой

эпохи моей жизни — моя литературная судьба связана с вашим именем; во-вторых, самая идея книги и образы ее — это наша борьба, наше движение в будущее — то, чем живете вы и все мы, участники чудесной эпохи. Когда я писал эту повесть, я всегда вспоминал наши с вами беседы о задачах искусства наших дней, и это укрепляло меня, и я глубоко верил в свои творческие силы. Пусть эта книга моя будет встречена бранью, травлей (это будет, признаки уже имеются налицо), но я знаю одно — «Энергию» не вычеркнешь из литературы наших лет, как «Цемент», который стал достоянием миллионов². Пусть в этих книгах много недостатков, но ведь мы работаем в такие годы, когда на отработку нет лишнего дня: я всегда нахожусь под давлением времени — оно торопит, оно несетя стремительно и бурно и требует своего отражения и преобразования в жесткие сроки. Приходится нервничать, гореть в огне и работать сверх сил, чтобы сделать вовремя. По существу, эту книгу нужно было писать года три-четыре, чтобы выплавить из руды высококачественный металл, а я трудился над ней не больше полутора лет. Вот откуда протекают все «неполадки». Нужно сказать *свое* слово в *свое* время. Я ненавижу всякое эпигонство, как бы оно ни было красиво и «целомудренно». А у нас сейчас это эпигонство утверждается как «столбовая дорога». Первоначальная ступень ученичества уже миновала. Мы призваны строить *свою* литературу, свой «творческий метод», который обусловливается всем ходом развития нашей революции. И линия литературного нашего развития, по-моему, скорее идет от вас, чем, напр<имер>, от Толстого. Разнородные, разноименные системы образов. Учиться, знать литературное наследство, перерабатывать его, конечно, обязательно, необходимо, но подражать — не нужно. Когда дело идет об изучении, о здоровом исследовании литературных школ прошлого и настоящего — это хорошо, но когда люди одержимо воют на луну и создают себе фетишей — это никуда не годится. Есть у нас люди, которые каждый сезон создают себе кумиры и стараются превратить их в моду: «Ах, Дос-Пассос! Это — откровение... Джойс! Вот новый и единственный путь... Унанимизм³ — вот настоящая мудрость в искусстве»... А этак лет пять назад кричали о Прусте, о Генри...

Мне страшно, когда некие «вожди» и критики, и иже с ними, в недалеком прошлом остервенело орали о «буржуазности» и «мелкобуржуазности» М. Горького, а теперь с тем же энтузиазмом декламируют дифирамбы «великому пролетарскому писателю». А по-настоящему не изучили всей глубины и великой значимости творческих установок этого писателя. И когда мне приходилось выступать и в печати и на дискуссиях с призывом о необходимости внимательного и глубокого исследования ваших взглядов на искусство, меня крыли в три горы. Для меня же ваше творчество и ваш путь является примером великого значения⁴.

Я прошу вас, Алексей Максимович, прочесть мою книгу (а не журнальный текст) и сказать мне свое слово без всякого пристрастия в ту или другую сторону. Вы умеете сказать такое слово мудро и проникновенно.

Вы напрасно упрекнули меня при последнем нашем свидании в обидчивости. Почему и за что я мог бы на вас обижаться? Совсем я вас не понял. Я даже растерялся и изнемог от внезапности. В чем дело? На что же я буду обижаться на вас, дорогой Алексей Максимович? Вы совершенно неправы, приписывая мне обидчивость как черту характера. Не надо этого. Полноте. Я только болезненно нервный и чрезмерно застенчивый человек. В этом виною — моя уродливая биография, которую вы приблизительно знаете (кстати, после «Энергии» я сдержу данное вам слово — засесть за автобиографическую книгу). Я долго ломал голову, откуда у вас сложилось обо мне такое мнение? Уж не насплетничали ли вам какие-нибудь парнишки, которые юлили около вас? Таких прытких доброхотов

на этот счет у нас сколько угодно. Я же думал наоборот, что вы на меня за что-то рассердились — отвернулись от меня и незаслуженно отвергли.

Общение с вами для меня — большая радость. Не лишайте меня вашей дружбы. Ведь я люблю вас огромной любовью на всю жизнь.

Сейчас я живу в Новом Афоне, в доме отдыха Абхазского ЦИКа — пользуюсь гостеприимством Лакобы⁵. Здесь — чудесно: солнце, море, пальмы, лимонные и мандариновые рощи, теплынь — прямо наш май. Вспоминается Сорренто. Очень бы я хотел еще раз побывать в Италии.

Работаю здесь над вторым томом «Энергии» — работаю много, с удовольствием.

Ну, всего вам доброго, будьте здоровы. С любовью жму вам руку.

Ваш Фед. Г л а д к о в

Р. С. В Москву возвращусь не раньше начала марта. Если вы успеете прочесть за это время мою книгу, не откажите написать мне в Новый Афон по адресу, указанному в заголовке письма. А, может быть, ответите и независимо от прочтения книги?

Не было под рукою бумаги, поэтому пришлось писать на редакционных бланках.

Письмо датируется по письму Гладкова жене, Т. Н. Гладковой, от 22 января 1933 г., в котором Гладков сообщал, что в тот же день послал письмо Горькому (личный архив Гладкова).

¹ См. письмо 36, прим. 1.

² Эта фраза от слов «я знаю одно...» подчеркнута Горьким.

³ Унанимизм (от фр. слова «unanimе» — единодушный) — литературное течение, возникшее во Франции в начале XX в. и возглавленное Жюлем Роменом. Унанимисты стремились к изображению «единодушной» жизни коллективов — различных сборищ, улиц, городов и т. д.

⁴ Этот абзац отчеркнут Горьким на полях с восклицанием «Ох!».

⁵ Лакоба работал в то время первым секретарем ЦК партии Абхазской республики.

39

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34,
Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
18—III—33.

Дорогой Алексей Максимович!

Получили ли вы мое письмо, которое я вам послал из Нового Афона, и книжку («Энергия»), отправленную вам из Москвы? Вы мне не отвечаете, и я — в тревоге: или не хотите, вероятно, писать мне жестоких слов, или книгу еще не прочли. Я устал от продолжительной травли наших критиков-групповиков и очень нуждаюсь в дружеском поощрении. По неволе будешь сомневаться в своих силах. А работать хочу жадно, много, до изнеможения. Жду от вас приговора в смятении: ваше слово будет или страшный удар, или исцеляющая ласка.

Посылаю вам «Цемент» в превосходном издании¹. ГИХЛ может делать книгу чудесно и сравнительно недорого. Он выздоравливает и утверждается на хорошем пути². Я видел вчера вашу книжечку в массовом издании³, — отлично сделана: прекрасные иллюстрации, хорошая бумага, коленкорная обложка. Книжка — добротная, на года и стоит всего 1 р. 10 к. Идет подбор дельных работников.

По «Литературной» газете можно судить о жуткой неразберихе в литературных нравах. Групповизм не изжил себя и долго еще не будет изжит. Говорят о социалистическом реализме, но толком еще не знают, что это значит. Механическая долбежка слов: «шекспиризирование», «шиллеризирование», «правда», «типические фигуры в типических условиях»... Но к писателям подходят со старым налитпостовским трафаретом

том и по-старому, с предвзятым готовым мнением и наклеивают старые ярлычки. Старые симпатии и антипатии.

Не говорите, что я жалуюсь: я только хочу одного — бурного роста и расцвета литературы. Она у нас ведь молода, сильна, многогранна. Нужно только, чтобы ее не загоняли палками в «творческий метод» Толстого (рабского подражательства). Мне, напр<имер>, больше нравится художественный метод Горького и Чехова и кое-что свое⁴. Предоставьте же работать именно в этом направлении, если это, по-моему, даст мне возможность выразить себя с большей полнотой. Надо уметь понять художника, а не глушить его дубиной. Надо предоставить каждому быть самим собой. Я знаю свои ошибки и недостатки, и я борюсь с ними, я мучительно ищу себя — ведь я еще, по существу, начинающий писатель. Несколько лет уже долбят, что я — романтик и реакционный писатель, что я — «классовый враг» и «вредитель» (Серебрянский)⁵, «буржуазный декадент» и «натуралист» (Ермилов), что я «не прошел школы комсомола» (это — правда, староват!) (Авербах), что я — не художник, а пишу только относительно полезные книжечки (Фадеев). А между тем раньше те же люди (с которыми я еще не боролся, не спорил) расточали мне похвалы и поднимали на щит. Мне совсем не нужны их похвалы, мне нужно одно — товарищеская помощь. Во всяком случае — не заушение, не улюлюканье, не «дело Бейлиса»⁶. Чего они хотят? Что им нужно? Ах, я знаю, чего они хотят и чего добиваются... Утешает меня одно: читатель (массы) меня знает и, кажется, ценит. Но страшно печалит, что вы почему-то отвернулись от меня и я больше не слышу от вас ободряющих слов. Вы же мне дороги до невозможности. Не лишайте меня вашего доброго отношения.

Работаю над вторым томом. Материал — огромный, и трудности очень большие. Много людей, много мыслей. Но это-то как раз меня и захватывает. Борьба с трудностями и препятствиями — самое замечательное в

IV. СТРОИТЕЛЬ

Викентий Михайлович вставал по утрам ровно в шесть часов. Еще не открывая глаз, он уже чувствовал всем телом кубическую огранку своей комнаты и воздушную прозрачность гудящего света. Вещи быстро занимали свои места в неподвижной готовности служить ему. Широкий дубовый письменный стол, в простенке между саженными окнами, пламенел жаром на солнце; полированная поверхность пылилась металлическим накатом, и над ней вихрилась радужная пыль. На белой стене, у карниза, кудрявились золотые облачка солнечных отражений. Книжный шкаф из золотого дуба улыбался важно и горло. И за рамой, в другом далеком мире, в фотографической глубине чепухи перспективного рисунка строгий дворец электростанции, которую он строил на северных озерах еще при жизни Ленина.

Владимир Ильич! Как всегда встречал он Викентия Михайловича из-за рамы обычной дружеской улыбки, с лукавым лоборытством устремленного вдаль человека, в кепке с широким козырьком, накиннутым на глаза. Он застыл, охваченный невидимым движением, и морщинки около глаз вислобно дрожали даже на висках. Викентий Михайлович на мгновение видел его живым — испанским и юношески порывистым. Чудилось, что вот он сейчас, как бывало, быстро повернет к нему лицо и засмеется, радостно протягивая руку, и на лице его затрепещет множество переплетающихся выражений.

«Ильич, голубчик, ты смотришь девятнадцатим годом. Это — хорошо, это и больше всего люблю в тебе».

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО
НА СТРАНИЦАХ РОМАНА
Ф. В. ГЛАДКОВА «ЭНЕРГИЯ»
(М., 1933).

Стр. 60 книги

Личная библиотека Горького

ПОМЕТЫ ГОРЬКОГО
НА СТРАНИЦАХ РОМАНА
Ф. В. ГЛАДКОВА «ЭНЕРГИЯ»
(М., 1933)

Стр. 62 книги

Личная библиотека Горького

тельство или чиновничья мелкотравчатость и политиканство.

И еще вспомнил, как Ленин приезжал когда-то на стройку электростанции — вот этой, на фотографии. Он смеялся, говорил словоохотливо, мечтал о будущем, прижимая локоть Балеева к своему горячему боку, и Балеев слышал (слышал, Владимир Ильич!), как билось его сердце.

Как всегда в этот час, комната упруго подпрыгнула и залясала, громом рванулся воздух, и стекла забили барабанную дробь. Воздух сгустился до физической осзаемости и до боли ударил по барабанным перепонкам. Кровать встряхнулась и подбросила Балеева. Дальнейшим орудием грохнул взрыв. Должно быть, на шлюзе.

При первых взрывах он должен быть уже на ногах. Где-то в твердых породах происходит дрожжевое брожение, и из чудовищных бутылей, скрытых в недрах камней, рвется дикавинные пробки. Извергается дым и пена.

Викентий Михайлович распахнул окно. Утро было прозрачное и густое. Река в струнках зеркала оранжево-горела даже в глубинах. Она плавилась, разливно, несомо, густо, без всплесков. Она так же старя и так же бессмертна, как мир. Так же, как и сейчас, в бездне времен текла она широко, спокойно и так же щеда перламутром.

Перед окном дымился густой зеленый сад. Плескалась вместе с волнами воздуха жирная пена штеп. А ниже, по крутому спуску, до железной решетки ограды, — бурые взрывы сирени, фруктовых деревьев, голубых елей. Ограды не видно: она залупана густыми потоками винограда и хмеля. В другой половине особняка жил его эксхититель, инженер Стрижевский. Впрочем, Балеев заимел три комнаты, а Стрижевский — семь: Стрижевский — барин, и он и его жена привыкли к простору и роскоши. У их девочек — гувернантка-англичанка. Между Балеевым и Стрижевским — нет никакой близости; их общение — только в стенах управления.

Молния вырвалась из скал на том берегу, и голубое облако выросло над гранитами, как великанное седое дерево. Взрыв. Боль в перепонке и колющее шекотанье. Удар воздуха был тверд и упруг, и стены комнаты задрожали.

62

творчестве. Завоевать хотя бы микроскопическую драгоценность, хотя бы с большими жертвами — в этом очень большое счастье. В творчестве должны быть не только «ума холодные наблюдения», но и страсть. Не столько важно *настоящее*, сколько *выход за пределы настоящего*. Расширяются горизонты, поднимаются выси, и реализм перестает быть плоским — настоящее переходит в будущее. Тут уже подражательство, эпигонство — собачья старость. Это — неуместно, это — нелепость, это уводит назад. С таким «методом» далеко не уедешь. Новое время — новые песни. Правда не только и не столько в изображении «отстоя», — а в поэзии движения в завтрашний день. Борьба, муки рождения, преобразование человеческой жизни, стремление к идеалу — вот чем питается искусство наших дней.

Когда-то мы беседовали с вами об этом, и вы ободряли меня.

Вы — такой большой человек, что мне просто жутковато писать вам, а в разговоре с вами я жалко теряюсь и немею. Не раздражайтесь: это — от нервов, которые искалечены прошлым. Если ваша оценка моей книжки будет резка, удар этот будет для меня сокрушительным. Но «еже писах — писах», и вы скажете правду. Мне только будет горестно, что я посвятил вам книгу⁷, которая в ваших глазах окажется неудачной. Но я думаю все-таки, что вы найдете в ней и неплохие образы. Это — моя книга, она не похожа на другие⁸.

С нетерпением жду от вас ответа.

Как ваше здоровье?.. Когда приедете?

С любовью Фед. Гладков

¹ Федор Г л а д к о в. Цемент. Роман. Изд. 16. М. — Л., ГИХЛ, 1932. Экземпляр, посланный Гладковым, хранится в личной библиотеке Горького.

² ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы — часть ОГИЗ — Объединения государственных издательств, созданного в 1930 г.

³ Речь идет о кн.: М. Горький. Хозяин. Двадцать шесть и одна. Мальва. Иллюстрации Б. А. Дехтерева. М., ГИХЛ, 1933.

⁴ Эта фраза подчеркнута Горьким.

⁵ Повесть Гладкова «Новая земля», вышедшая в 1931 г. третьим изданием, была резко осуждена в печати, в частности М. Серебрянским, который писал о влиянии буржуазно-мещанской идеологии на автора повести. См. статью М. Серебрянского «Новая ли земля?» («Октябрь», 1931, № 8).

⁶ Провокационный судебный процесс в 1913 г. над евреем Бейлисом, организованный царизмом с целью разжечь национальную вражду.

⁷ См. письмо 40, прим. 1.

⁸ Эта фраза подчеркнута Горьким.

40

ГОРЬКИЙ — ГЛАДКОВУ

〈Сорренто. 28 марта 1933 г.〉

Г л а д к о в у

Книгу вашу ¹, Федор Васильевич, я прочитал. Написана она — на мой взгляд — очень плохо, языком выдуманным, и язык этот весьма часто вызывает впечатление неискренности автора и тяжелых, но неудачных попыток не то — преодолеть эту неискренность, не то — прикрыть ее холодной патетикой.

Всюду заметно, что писалась книга торопливо, — фигуры и отношения их не разработаны. И очень много натуралистической грубости в диалогах, а ведь эта грубость не нужна.

Сожалею, что не могу сказать ничего иного.

28.III.33.

Печатается по машинописной копии, сохранившейся в личном архиве Горького.

¹ Речь идет о романе Гладкова «Энергия», кн. 1. М., «Федерация», 1933. Книга вышла с посвящением «Максиму Горькому — художнику, человеку».

41

ГЛАДКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва 34, Соймоновский проезд, д. 5, кв. 36.
7—VII—33. Тел. 2—71—42

Дорогой Алексей Максимович!

Издательство «Советская литература» предложило мне представить текст «Энергии» для второго и массового издания ¹. Текст мною основательно переработан, но книгу я пока задержал и вот почему.

Ваше убийственное письмо, ваши выступления в печати ² и среди писателей резко и категорически отрипают художественную ценность моей книги. Были дни, когда я в отчаянии дошел до полной безнадежности и решил уйти из литературы. Ваша оценка моей работы всегда для меня была непреложной. Книга посвящена вам, и мне было очень горько, что все, что я мог дать вам лучшего, ничего не принесло вам, кроме неприятности.

Я нахожусь теперь в очень тяжелом положении. Я не хочу и думать, что могу причинить вам боль или оскорбить вас тем или иным знаком выражения моей любви к вам.

Поэтому очень прошу вас помочь мне выйти из мучительного затруднения.

До вашего ответа книга не будет сдана в производство ³.

Преданный вам Фед. Г л а д к о в

¹ Ф. Г л а д к о в. Энергия. Роман, кн. 1. Изд. 2, просмотренное автором. М., «Советская литература», 1933.

² Речь идет о статье Горького «О прозе», которая была опубликована в альманахе «Год XVI», кн. 1. М., 1933, и в журнале «Литературная учеба», 1933, № 1. Горький резко критиковал язык романа «Энергия» и писал о том, что Гладков упрощенно понимает реализм (см. т. 26, с. 401—402).

³ Ответное письмо Горького неизвестно.